

Основные понятия позднеантичной и византийской школьной грамматической и философской теории языка: грамматики и философы о φωνή, ὄνομα, ῥῆμα, λόγος и λέξις

О. Н. Ноговицин

Социологический институт РАН филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Санкт-Петербург
onogov@yandex.ru

OLEG NOGOVITSIN

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

BASIC CONCEPTS OF THE LATE ANTIQUE AND BYZANTINE SCHOOL GRAMMAR AND PHILOSOPHICAL THEORY OF
LANGUAGE: GRAMMATISTS AND PHILOSOPHERS ON φωνή, ὄνομα, ῥῆμα, λόγος and λέξις

ABSTRACT. In the paper, we analyze the basic terminological apparatus of the Late Antique and Byzantine grammar and philosophical theory of language, as well as the conceptual grounds and problem spots that determined the divergence between the concept of language among grammatists and philosophers at the stage of formalizing the grammar and philosophical knowledge where, in the imperial world of the early and classic Byzantium, they acquired a stable form of school disciplines with a unified curriculum and a primordial authoritative text. The core subject of our study is thematization of differences and identities in the grammatical and philosophical interpretation of the terms φωνή, ὄνομα, ῥῆμα, λόγος and λέξις. As primary research material for the philosophical school tradition, we engaged the commentaries on Aristotle's "On Interpretation", with the commentary of Ammonius of Alexandria in the first turn, for, as our paper demonstrates, it was the primary text of the Byzantine tradition of teaching the philosophical grammar and the guideline for newly written educative commentaries, paraphrases and scholia on "On Interpretation". For its part, as research material for grammar school tradition, we took commentaries on *Ars grammatica* of Dionysius of Thracia that, being partly preserved in the educative codices of the scholia to this treatise that held in the grammar theory of language the similar place to the first six chapters of "On Interpretation" in the philosophical branch.

KEYWORDS: Late Antique and Byzantine grammar and philosophy, theory of language, φωνή, name, verb, sentence, affirmative sentence, speech.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук).
Acknowledgments: The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00251 (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/>

1. Введение

Цель этого исследования состоит в том, чтобы проанализировать базовый терминологический аппарат позднеантичной и византийской грамматической и философской теории языка, попутно рассмотрев концептуальные основания и проблемные места, определявшие расхождения между понятием о языке грамматиков и философов на том этапе формализации грамматического и философского знания, когда они в имперском мире ранней и классической Византии приобрели форму вполне единой в каждом из этих дисциплинарных изводов научного знания традиции преподавания. Как таковые и грамматика, и философия, вступая в спор друг с другом и устанавливая точки соприкосновения, по преимуществу следовали собственным моделям трансляции знания, отмеченным устойчивой терминологией, опробованными методами доказательства и фиксированными топосами полемического обсуждения тех или иных теоретических вопросов. Как следствие, такая форма нормативного устройства этих дисциплин непосредственно определяла также и устойчивость полемических стратегий в тех проблемных местах, где их собственные предметные поля пересекались.

Далее мы попытаемся разобраться в хитросплетениях использования этими науками таких понятий как *φωνή*, *ὄνομα*, *ρήμα*, *λόγος* и *λέξις*¹. С одной стороны, названные понятия, наряду с некоторыми другими, такими как *γράμμα*, *στοιχεῖον*, *συλλαβή* и еще шесть вместе с *ὄνομα* и *ρήμα* частей речи (или точнее для древней теории грамматики — частей предложения), формируют концептуальный каркас византийской грамматики, описывающей орфографию, фонетику, морфологию и синтаксис греческого языка. Но с другой — эти же понятия, за исключением *λέξις*, а именно определения *φωνή*, *ὄνομα*, *ρήμα* и взаимосвязей между ними вкупе с последующим определением предложения — *λόγος*, открывают трактат Аристотеля «Об истолковании», комментарий к первым шести главам которого, собственно, и составлял изложение философской теории языка в позднеантичных и византийских философских школах.

Сложность пересечений и расхождений тезауруса значений этих понятий в грамматике и философии непосредственно обнаруживает собственный концептуальный строй теорий языка, сформированный в этих дисциплинах,

¹ Более широкий контекст позднеантичной философской и грамматической теорий языка и круг проблем, с которыми сталкиваются исследователи, обращаясь к этим древним дисциплинарным традициям, см. в первой части работы Людвига Фладерера, в целом посвященной элементам грамматического истолкования в экзегетическом трактате Иоанна Филопона «О сотворении мира»: Fladerer 1999, 19–256.

и при этом в тем большей мере, что проблема несовпадения соответствующих позиций не могла не тематизироваться уже в ходе самой образовательной практики, коль скоро философия как высшая из наук, а значит, и последняя в порядке обучения, неизбежно вынуждена была соотносится с тем знанием, которое было по отношению к ней первично, поскольку усваивалось студентами философских школ раньше, чем они приступали к обучению философии, ведь грамматика была первой наукой или точнее искусством, той *τέχνη*, как предпочитали называть свою дисциплину сами грамматики, с освоения которой начиналось всякое образование. Так или иначе, позднеантичные и византийские источники грамматического и философского знания — это прежде всего тексты, написанные не только в научных, но и обязательно в педагогических целях, поскольку призваны были служить воспроизведству образованных кадров как для имперской и муниципальных администраций, так и в самих грамматических, риторических и философских школах. Поэтому, чтобы очертить круг источников предстоящего исследования, мы вначале обратимся к истории формирования философской школы в Византии в целом посредством прояснения частного ее элемента — практики обсуждения и преподавания теории языка, и уже затем обратим тот же вопрос к грамматике.

а) Источники философской школьной теории языка

Достаточно поверхностного взгляда, чтобы понять, что византийская философская теория языка сформировалась и непрерывно в течении всего тысячелетнего периода истории Византии транслировалась в рамках школьной формы образовательной традиции, возникшей как минимум в V–VI вв. в афинской иalexандрийской неоплатонических философских школах, где она была представлена в базовом курсе логики, с которого начиналось обучение философии, а точнее, как мы уже отметили, в практике комментария на трактат Аристотеля «Об истолковании». Насколько можно судить по имеющимся источникам, базовый для всей византийской традиции большой, опубликованный в отличии от других в авторской редакции, комментарий холарха alexандрийской философской школы Аммония Александрийского (между 435/445 — между 517/526) на это сочинение Аристотеля отражает уже сложившуюся и четко распределенную по проблемным топосам толкования традицию. Сам Аммоний в самом начале проэмия к нему свидетельствует о том, что он, надеясь прибавить что-то от себя, только излагает толкование его учителя, холарха афинской школы Прокла (412–485) (*Ammon. in Int.*: Busse 1897, 1.9–16), комментарий которого, как и другие более

ранние комментарии на «Об истолковании», классическая византийская школьная традиция, вероятнее всего, уже не знала, и в целом достаточно строго ориентировалась на комментарий Аммония². Тот факт, что Аммоний имел дело с уже сложившимся школьным порядком истолкования, засвидетельствован также Боэцием, большой (в отличие от малого) комментарий на «Об истолковании» которого (ключевой уже для латинской традиции) достаточно точно соответствует тому же, что и у Аммония, порядку изложения и обсуждения мнений на проблемные места более ранних толкователей, при том что сам Боэций, как следует из этого его сочинения, пользовался в основном комментариями Порфирия, Ямвлиха и Сириана (ок. 375 – 437), учителя Прокла и Гермия, основателя неоплатонической школы в Александрии Египетской — отца Аммония³.

Помимо комментария Аммония из комментариев Александрийской школы сохранились два кратких, почти в три раза уступающих по объему тексту Аммония, принадлежащие Стефану Александрийскому (вторая половина VI — начало VII в.)⁴ и анонимному автору, который его издатель Леонардо Таран датирует концом VI-го или VII-м веком⁵. Оба они зависят от Аммония, но отражают и особые черты развития и концептуальной формализации комментируемой тематики и терминологического словаря, происходивших на позднем этапе существования Александрийской школы.

Помимо позднеантичных (или ранневизантийских) комментариев на «Об истолковании» сохранилось несколько собственно византийских комментариев⁶, парафразов и схолий. Прежде всего, это парафраз Михаила Пселла (1018 — ок. 1078 или 90-е гг. XI в.) и комментарий Льва Магентина (вероятно, вторая половина XII — начало XIII в.), изданные Альдом Мануцием в Венеции в 1503 г. вместе с комментарием Аммония⁷. Оба текста в три раза меньше комментария Аммония и в основном следуют его изложению материала. Как

² Чтобы в какой-то мере прояснить этот вопрос, необходимо внимательное сравнение всех сохранившихся византийских комментариев, парафразов и схолий на «Об истолковании», чему препятствует то, что некоторые из этих текстов изданы в крайне плохом качестве еще в начале XVI в., а большая их часть не издана вовсе.

³ См. критич. изд.: Meiser 1880.

⁴ Критич. изд.: Hayduck 1885.

⁵ Критич. изд.: Tarán 1978.

⁶ См. также в отдельных моментах более подробный, чем наш, обзор позднеантичной и византийской традиции комментариев на «Об истолковании» К. Иеродиакону: Ierodiakonou 2019, 3–5.

⁷ См.: Manutius 1503.

отмечает Катерина Иеродиакону, которая вместе Джоном Даффи в настоящее время готовит критическое издание парофраза Пселла, его текст в издании Альда не вполне совпадает с рукописными источниками, грешит множеством неверных прочтений отдельных слов и предложений, наличием пассажей, перемещенных со своего места в исходном тексте, а также иногда весьма длинных фрагментов, которые, как следует из ее примеров, в действительности принадлежат комментариям Аммония и Магентина или представляют собой анонимные схолии к тексту Аристотеля (Ierodiakonou 2002, 162–163). Из этого описания можно предположить, что таково же у Альда и издание комментария Льва Магентина. Иеродиакону с уверенностью отмечает, что последние два из перечисленных недостатков издания Альда — следствие того, что он готовил его по кодексу с «Об истолковании» Аристотеля в центре страниц и расположенным на полях комментариями Аммония, Пселла и Магентина, а также краткими схолиями анонимных схолиастов. Поэтому он и издал все три комментария вместе, неудачно отделив их друг от друга и от сопутствующих схолий (Ibid., 163).

Эта подборка достаточно ясно отражает предпочтения византийцев в оценке и отборе для образовательных целей комментариев на «Об истолковании». Вероятнее всего, краткие сочинения Пселла и Магентина были ориентированы на доступное для большинства учеников изложение материала, содержащегося в традиции толкований на «Об истолковании», в то время как комментарий Аммония мог использоваться для уточнения тех или иных мест учителями и продвинутыми учениками. На исключительно учебный характер сочинения Пселла указывает Иеродиакону, предложив убедительное обоснование этого предположения. Хотя сам Пселл чаще всего называет свое сочинение ὑπόμνημα (или реже ὑπομνηματισμός)⁸, а иногда просто σύγγραμμα, либо же σύνταγμα, тем не менее в большинстве рукописей оно названо παράφρασις, что точно отражает характер проделанной им работы. Ее основные черты кратко обозначил родоначальник жанра Фемистий (317 — ок. 388), который, сравнивая свои схолии к Аристотелю со схолиями, написанными прежними комментаторами, утверждал, что решил создать гораздо более краткие труды, чтобы студентам было легче их изучать и запоминать (Them. *in APo.*: Wallies 1900, 1.2–16). В свою очередь, византийский комментатор Ари-

⁸ Это имя, наряду с ὑπομνηματικαὶ ἔξηγήσεις, ἔξηγητικὰ ὑπομνήματα, или кратко ἔξηγητικά либо ὑπομνήματα, точно соответствует одному из основных обозначений философского комментария в поздней античности (как и комментариев грамматиков или христианских авторов). См.: Scholten 1996, 15–20.

стотеля Софоний (вероятно, кон. XIII — нач. XIV вв.) сравнивая комментарии, составленные Александром Афродисийским, Аммонием, Симплицием и Филопоном, и парофразы Фемистия, которому, по его словам, среди прочих последовал в своих логических трудах Псевл (Sophon. *in de An.*: Hayduck 1883, 1.21), указывает на три основных различия между ними: 1) объем схолий в комментариях значительно больше, чем в парофразах; 2) классический комментарий представляет собой толкование текста Аристотеля последовательно фрагмент за фрагментом, тогда как авторы парофразов встраивают его в свой текст и поясняют в непрерывном потоке, как если бы они самим были Аристотелем; 3) комментаторы стремятся предоставить научное понимание трудов Аристотеля, в то время как создатели парофразов заинтересованы в использовании своих трудов для более элементарных учебных целей и поэтому часто добавляют много полезных правил и примеров, чтобы облегчить изучение мысли Аристотеля (Sophon. *in de An.*: Hayduck 1883, 1.4–3.9). Всем этим критериям строго соответствует сочинение Псевла, включая частое использование метода изложения доктрины Аристотеля в форме вопросов и ответов, а также использование повелительного наклонения, второго лица и глаголов, относящихся к процессу обучения. Таким предстает парофраз Псевла в большинстве рукописей, однако в своем издании Альд добавил комментируемые фрагменты текста Аристотеля, которые были избыточны для текста Псевла и постоянно прерывают его, хотя их изложение уже содержится в тексте, а кроме того, в издании Альда отсутствует множество имеющихся в рукописях логических диаграмм, которые были призваны облегчить понимание текста⁹ и без которых пояснения Псевла во многих местах непонятны (Ierodiakonou 2002, 164–168).

В целом парофраз Псевла представляет собой краткое изложение комментария Аммония, ориентированное на простоту и удобство для понимания учеников, хотя в отдельных местах Псевл дополняет аргументы Аммония или даже выбирает иную стратегию истолкования, и помимо этого демонстрирует особое внимание к грамматической терминологии, указывая на некоторые спорные моменты между философским и грамматическим толкованием отдельных вопросов (*Ibid.*, 168–179). На текст Аммония целиком ориентирован и комментарий Льва Магентина (Bydén 2020, 1073). Об этих предпочтениях в области источников обучения доктринаам, содержащимся в «Об истолковании», говорит и комментарий на этот текст, созданный в самом конце

⁹ Примечательно, что уже в комментарии к «Об истолковании» Стефана мы встречаем объемное приложение, целиком состоящее из диаграмм, что также подчеркивает преимущественно учебный характер его комментария.

византийской эпохи Геннадием Схоларием (ок. 1400 — 1472/1473)¹⁰, который среди множества фрагментов из переводов латинских авторов (большая часть его комментария составлена из парафразов и цитат, извлеченных из комментария Фомы Аквинского) из греческих комментаторов упоминает только двоих: однажды обсуждает мнение Аммония (*Μπαλχογιαννοπούλου* [Balcoyianopoulos] 2018, 144.22–146.11) и один раз приводит небольшую цитату из парафраза Пселла, достоинства логических парафразов которого, как свидетельствует приведенное упоминание Софония, снискали ему высокую репутацию в византийской комментаторской традиции (*Ibid.*, 43.21–44.2).

Кроме этих византийских текстов также имеется сборник схолий на «Об истолковании», сохранившийся в кодексе *Vaticanus graecus 244* и приписываемый опять же Льву Магентину. Этот сборник, как и другие его собрания схолий к «Органону», в отличие от упомянутого комментария на «Об истолковании», состоит из общего введения, построенного по модели Александрийских комментариев на Аристотеля, и собрания кратких схолий к отдельным местам текста Аристотеля, причем он не ориентирован напрямую на Аммония, но предположительно представляет собой переработку более древних схолий различного происхождения (Bydén 2020, 1073). Кроме этого собрания, сохранилось также собрание схолий в кодексе *Parisinus graecus 1917*, приписанное на полях Михаилу Эфесскому (известен в первой половине XII в.), которые, по словам изучавшего их Микеле Трицио, представляют собой фрагменты парафраза Пселла (Ierodiakonou 2019, 4¹¹). И те, и другие схолии не изданы, как еще не издан и комментарий на «Об истолковании» Георгия Пахимера (1242 — ок. 1310), представляющий собой часть его большого комментария ко всему Органону. Помимо этого, можно упомянуть очень сжатое воспроизведение некоторых основных концептов, представленных в «Об истолковании», в знаменитом «Кратком изложении логики» Никифора Влеммидса (1197–1269) (*Nicephorus Blemmides Epitome logica*: PG, 885–930).

Описанную традицию подбора учебных текстов в 1430-е гг. решил прервать Геннадий Схоларий (*Μπαλχογιαννοπούλου* [Balcoyianopoulos] 2018, 29¹²–35¹²). В преподавании философии Аристотеля он ориентировался преимущественно на переведенные им самим латинские комментарии, что вызвало активное неприятие в интеллектуальном сообществе Константино-поля. В связи с этим в послании императору Константину XI Палеологу,

¹⁰ Критич. изд.: *In Aristotelis “De Interpretatione” cum continuatione auctoris scholastici hactenus ignoti; versio Georgii Scholarii; ed. Ir. Balcoyianopoulos* (*Μπαλχογιαννοπούλου* [Balcoyianopoulos] 2018).

¹¹ Ссылка на неопубликованную статью Трицио.

использованном им в качестве предисловия к его комментарию на «Исагогу» Порфирия, Схоларий просил защитить его от несправедливых нападок (Petit, Sidéridès, Jugie 1936, 3.36–4.20), и подробно объяснял причины своего предпочтения латинских комментариев греческим и арабским, полагая их более полными и завершенными (Ibid., 1.27–3.36).

Все сказанное указывает на то, что философская теория языка как часть обучения логике в византийскую эпоху постепенно определилась со своей научной и учебной базой. Эталоном научного качества выступал комментарий Аммония на «Об истолковании», самый полный и сложный, уступавший по сложности только комментируемому тексту, черта трактата Аристотеля, которую отмечали почти все комментаторы. Все другие тексты, написанные в Византии, были призваны только облегчить процедуры усвоения учениками знаний и запоминания материала, и именно этими целями фактически оправдывал попытку своей реформы на латинский лад даже Геннадий Схоларий. Нечто подобное мы встречаем и в школьной теории грамматики.

б) Источники грамматической школьной теории языка

Византийцы были наследниками, защитниками и поборниками литературного наследия некогда единой Римской империи в ее греческом изводе, исправляя тексты, комментируя, и пытаясь прояснить то, что было написано классическими авторами, готовя учебные и научные пособия в форме различного типа словарей, эпитом, текстологических исследований и т.п.¹² Общеизвестно, что начальное обучение грамматике в Византии ориентировалось на приписывавшийся авторству Дионисия Фракийского (ок. 170–90 гг. до н.э.) небольшой трактат *Ars grammatica*¹³, комментарии и схолии к которому составили основу византийской традиции грамматического образования¹⁴. Не сохранилось ни одного полного комментария к *Ars grammatica*, и мы, по сути, имеем дело уже со сложившейся традицией преподавания, основными учебными материалами которой были кодексы, содержащие собрания тематически упорядоченных по форме деления *Ars grammatica* на параграфы фрагментов из различных комментариев, часть из которых повторялась в разных кодексах, в то время как в другой части они отличались. При этом в

¹² Об античной и византийской грамматике см.: Montanari, Matthaios, Rengakos 2015; Dickey 2007; специально о византийской грамматике см.: Robins 1993.

¹³ Критич. изд.: Uhlig 1883 (GG I.1).

¹⁴ Критич. изд.: Hilgard 1901 (GG I.3).

собраниях схолий к *Ars grammatica* Дионисия упоминаются в качестве источников в основном авторы, деятельность которых чаще всего относится к концу VI — первой половине VII в. (Мелампод, Стефан) и к первой половине VIII в. или даже к IX в. (Гелиодор, Хиробоск), хотя очевидно наличие значительных фрагментов более позднего времени. Вероятно, комментарии авторов именно этого времени составили концептуальный каркас традиции школьной грамматики в Византии, хотя содержащиеся в текстах схолий списки определений терминов и постоянные уточнения этих определений говорят о ее давних истоках.

Ars grammatica Дионисия, как и дополнявшие ее в части систематизации правил изменения форм имен и глаголов «Каноны» Феодосия Александрийского (предположительно IV в.)¹⁵, представляла собой чисто дидактическое сочинение. Помимо совсем краткого изложения частей грамматического искусства (касающихся исправления, чтения, экзегезы и критики стихотворных и прозаических текстов) в основной своей части *Ars grammatica* излагала орфографию, фонетику и морфологию греческого языка, лишь немного касаясь синтаксиса — в этой области непревзойденным авторитетом оставался Аполлоний Дискол (II в.), сочинения которого, однако, ничуть не походили на учебные пособия, но скорее на сложные и обстоятельные исследования. Соответственно, комментарии к *Ars grammatica*, как и к «Канонам» Феодосия, среди которых наибольшим авторитетом пользовался до настоящего времени целиком сохранившийся комментарий Георгия Хиробоска (примерно первая пол. IX в.)¹⁶, призваны были восполнить характерные для исходных текстов краткость, неполноту и почти полное отсутствие теоретических обоснований и семантических объяснений правил и концептов. Ту же роль играли и другие грамматические трактаты византийской эпохи, посвященные данной тематике, но все они удерживались в своей терминологии и поле теоретических истолкований в концептуальном пространстве, заданном *Ars grammatica* Дионисия¹⁷.

Сам по себе выбор *Ars grammatica* в качестве базового учебника, опять же, как и в случае «Об истолковании» Аристотеля, столь темного и краткого, что

¹⁵ Критич. изд.: Hilgard 1889 (GG IV.1), 1–99 (Theodosii Alexandrini Canones isagogici de flexione nominum et verborum).

¹⁶ Критич. изд.: Hilgard 1889 (GG IV.1). P. 101–417 (Georgii Choerobosci diaconi et oecumenici magistri Prolegomena et scholia in Theodosii Alexandrini Canones isagogicos de flexione nominum); Hilgard 1894 (GG IV.2), 1–372 (Georgii Choerobosci diaconi et oecumenici magistri Prolegomena et Scholia in Theodosii Alexandrini Canones isagogicos de flexione verborum).

¹⁷ См.: Robins 1993. 28–39.

прояснение его определений и оправдание темнот и недоговоренностей требовало обширных комментариев, как оказалось, в отличие от утвердившейся в филологии XIX в. точки зрения, имеет не столь раннее происхождение, если посмотреть на даты жизни его автора. Древность *Ars grammatica* и авторство Дионисия для основной части трактата большая часть научного сообщества уже не принимает, и, соответственно, не очевиден временной рубеж, когда эта образовательная традиция стала доминирующей. Большинство современных исследователей, следуя концепции В. Ди Бенедетто¹⁸, переносит время создания основной части *Ars grammatica* из II — начала I в. до н.э., времени жизни Дионисия Фракийского, в промежуток между III и V вв. н.э., оставив за Дионисием авторство только начальных параграфов трактата¹⁹. При этом основой аргументации, на которую опирается такая датировка, является: 1) несоответствие содержания основной части текста *Ars grammatica* и сообщений о взглядах Дионисия у Аполлония Дискола, что было замечено еще комментаторами *Ars grammatica*: Дионисий, как и стоики, определял местоимение как особый тип артикля и не объединял имена собственные и нарицательные (*όνομα* и *προστηγόροια*) в один класс, а глагол, подобно Аристотелю и стоикам, определял как выражение, обозначающее предикат (*χατηγόρημα*), в отличие от *Ars grammatica*, где, как и в первой части определения Аристотеля, но посредством грамматических категорий подчеркивается его функция обозначения времени, — к этому списку несоответствий можно добавить опирающуюся на сообщение Присциана датировку отделения причастия от глагола (автором которого, как и в случае объединения собственных и нарицательных имен, указывался грамматик Трифон, писавший во времена императора Августа)²⁰; 2) отсутствие упоминаний об *Ars grammatica* у авторов до V в.; 3) расхождения *Ars grammatica* в терминологии, содержании и порядке обсуждения с технико-грамматическими папирусами I—V вв. н.э. за исключением определенных сходств, обнаруживаемых в отдельных

¹⁸ См.: Di Benedetto 1958; Di Benedetto 1959; Di Benedetto 1973; Di Benedetto 1990.

¹⁹ Как правило, исследователи подтверждают принадлежность Дионисию первых 4-х или 5-ти параграфов, либо как Ж. Лалло, — 10-ти (Lallot 1998, 25–26). В поздних текстах Ди Бенедетто обосновывал точку зрения об аутентичности только 1-го параграфа (см.: Di Benedetto 2000, 396–397). См. обзор позиций и аргументации: Pagani 2011, 31–32.

²⁰ См. обзор этих замечаний и обсуждения авторства трактата в схолиях к *Ars grammatica*: Di Benedetto 1958, 171–178; Robins 1993, 42–43; Pagani 2011, 33.

папирусах II–IV вв.²¹; 4) соответствие датировки первого папируса, содержащего фрагмент *Ars grammatica* (V в.), первым упоминаниям *Ars grammatica* и представленных в ней концепций у грамматиков и философов последней четверти V — первой четверти VI в. — Тимофея Газского, Аммония Александрийского и Присциана²².

Среди этих сообщений наиболее интересно свидетельство Аммония в его комментарии на «Об истолковании», которое, по сути, дает ответ на вопрос о времени, когда традиция грамматического образования, ориентированная на трактат Дионисия, уже стала главной и даже безальтернативной. Оно позволяет поместить окончательное оформление грамматической дисциплинарной практики вокруг комментариев к *Ars grammatica*, как минимум, в то же время, хотя быть может с очень небольшим запозданием, когда подобная консолидация в рамках одной школы происходит и с философией, т.е. во вторую половину V — начало VI века. Вероятно, именно около этого времени грамматика и философия уже оформились в единую для каждой из них школьную традицию, и если грамматики в ретроспективном обращении к процессу формирования собственной теории продолжали делить философские определения по школам и именам, то философы стали апеллировать к грамматике как к нормативно однородному и полностью оформленному с точки зрения теоретического инструментария знанию.

Свидетельство Аммония хорошо и тем, что оно позволяет ввести нас в самую сердцевину спора грамматиков и философов, в ходе ответа на вопрос, почему Аристотель, в отличие от грамматиков, начинает развертывание философской теории языка не с букв и слов — мельчайших элементов конструкции языка, а со слова, и при этом выбирает в качестве термина для его обозначения столь многозначное имя как *φωνή*. Тем самым этот вопрос сразу же включает нас в контекст исследования поставленной нами проблемы различия в терминологическом аппарате обеих дисциплин, который философия и грамматика унаследовали из исходных для них текстов традиции. На поверхности дискурса оно очевидно: в отличие от Аристотеля, к которому восходит первичное деление элементарных грамматических единиц, обладающих лексическим значением, на *φωνή*, *ὄνομα* и *ρήμα*, автор *Ars grammatica* терминологически означает произносимое человеком «слово» именем *λέξις*, не прибегая в его определении к *φωνή* (Dion. Thrax *Ars gramm.* 11: Uhlig 1883,

²¹ См. обсуждение в контексте вопроса о подлинности *Ars grammatica* сложностей, возникающих с выявлением и доказательством аутентичности таких сходств: Pagani 2014, там же литература по вопросу. См. также: Pagani 2011, 34–35.

²² См. общий обзор проблемы: Pagani 2011, 30–38.

22.4), и начинает изложение морфологии греческого языка с определений буквы и слога, не говоря уже о том, что его список частей речи вовсе не ограничивается именем и глаголом, которых, согласно Аристотелю, достаточно для формирования предложения (*λόγος*), — их у Дионисия восемь: имя, глагол, причастие, artikel, местоимение, предлог, наречие и союз²³. Как мы увидим далее, эти различия принципиальны и касаются разницы в самом видении языка в теоретических горизонтах грамматики и философии.

2. Когда *Ars grammatica* Дионисия Фракийского стала центральным текстом школьной грамматики? Свидетельство Аммония

Первые зафиксированные письменные свидетельства об *Ars grammatica* относятся к концу V — началу VI в., и то из них, что принадлежит Аммонию Александрийскому явно говорит о том, что на момент написания и публикации его комментария на «Об истолковании» этот трактат являлся основным учебником при изучении грамматики как минимум в Александрии Египетской, а судя по нашим знаниям о циркуляции студентов между образовательными центрами империи, и во всех ближневосточных провинциях. Дионисий Фракийский — это единственный грамматик, на которого среди множества отсылок к мнениям грамматиков ссылается по имени и *Ars grammatica* которого цитирует Аммоний (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 23.22). Он цитирует фрагмент из пояснения Дионисия относительно вопроса о том, почему буквы (*τά γράμματα*) в грамматике также называются элементами (*τά στοιχεία*) (6 параграф), и делает это таким образом, что становится ясно, что *Ars grammatica* должна была восприниматься его студентами как тот авторитетный текст, содержание которого они обязаны помнить едва ли не словно, поскольку без более полного контекста, содержащегося у Дионисия, причем предполагающего этимологический комментарий к его тексту, на что именно указывает Аммоний этой цитатой было бы совершенно не понятно.

Само по себе взятое в целом рассуждение Аммония (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 23.10–29), очевидно, было вызвано сложностями, с которыми сталкивались студенты, уже получившие грамматическое образование, переходя к изучению принятых в философских школах для описания языковых явлений терминологии и моделей истолкования и доказательства. Отсюда, видимо, и

²³ «Τοῦ δὲ λόγου μέρη ἔστιν δύτω· ὄνομα, ῥῆμα, μετοχή, ἄρθρον, ἀντωνυμία, πρόθεσις, ἐπίρρημα, σύνδεσμος» (Dion. Thrax *Ars gramm.* 11: Uhlig 1883, 23.1–2).

появился вопрос, на который отвечает Аммоний: почему Аристотель, утверждая, что "Ἐστι ... οὖν τὰ ἐν τῇ φωνῇ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ παθημάτων σύμβολα, καὶ τὰ γραφόμενα τῶν ἐν τῇ φωνῇ" («те, что в звучании [т.е. в произносимом слове], есть символы претерпеваний в душе, а те, что написаны, [есть символы] тех, что в звучании [т.е. в произносимом слове]») (Arist. *Int.* 1, 16α3–4), и говоря о τὰ γραφόμενα, прямо не говорит о буквах? Иными словами, почему он молчит о тех, с точки зрения грамматики, первичных, далее не делимых (безчастных) элементах, посредством соединения которых в слога, и далее в слова, как носители значения, из которых состоят речи, и произносимое, и написанное равнозначно указывают на соответствующие им предметы, так что разницу между письмом и произнесением нет необходимости принимать во внимание. Как замечает Аммоний, текст Аристотеля не говорит, что γράμμα и στοιχεῖον являются символами тех, что есть в звучащем (произносимом) слове (ἐν τῇ φωνῇ), но скорее такими символами являются для него те, что написаны (τὰ γραφόμενα). Согласно Аммонию, этим вопросом могут задаться те ученики, кто не понял еще предыдущего изложения позиции Аристотеля: он говорит только об именах и глаголах, которые высказываются тремя способами, как 1) те, что мыслятся, 2) те, что произносятся, и 3) те, что записываются, причем произносимые являются символами мыслимых, а записываемые (у Аристотеля, в отличие от мыслимого и произносимого, в случае записываемых используется именно причастная форма — τὰ γραφόμενα, которая как бы требует дополнения именами и глаголами) — произносимых, и в этом уже заключен ответ на вопрос (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 23.10–16). К смыслу этого ответа мы перейдем далее, здесь же Аммоний предлагает тем, кто полагает, что исследование Аристотеля распространяется на всю лексику (все, что говорится и пишется) просто, т.е. без различий и ограничений (ἐπὶ πᾶσαν ἀπλῶς λέξιν ἐκτείνεσθαι τὴν θεωρίαν), вплоть до букв и отдельных звуков, не только вспомнить, что (1) посредством и γράμμα, и στοιχεῖον называют как письменный отпечаток (или отображение) (ό γραφόμενος ... τύπος) каждого из элементов (букв), так и произнесение (ἐκφώνησις), с помощью которого озвучивается каждый из них, но так же и то, что (2) имя γράμμα прежде всего обозначает начертание (χαρακτήρα), сделанное посредством письма (процарапывания) (διὰ ξύσεως), а имя στοιχεῖον — произнесение, "διὰ τὸ ἔχειν στοῖχόν τινα καὶ τάξιν" φησὶν ο Διονύσιος («поскольку [элементы] имеют определенные строй и порядок», [как] говорит Дионисий) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 23.16–22).

В своем комментарии к этому месту Дэвид Бланк замечает (Blank 2014, 145, п. 119), что цитата из Дионисия не выполняет здесь функцию подтверждения высказанного Аммонием мнения. Дело в том, что если бы это было так, то

Аммоний поставил бы цитату из Дионисия после идущего у Аммония первым замечания о том, что грамматиками общепринято отождествлять γράμμα и στοιχεῖον, а не после последующего указания на имеющееся между ними различие, поскольку Дионисий старается показать как раз их тождество. Сам Дионисий в своем процитированном Аммонием пояснении смысла наличия второго имени для обозначения буквы отсылает читателя к грамматическому доказательству по этимологии, которая для στοιχεῖον состоит из двух частей: первая часть — имя στοῖχος, т.е. «строй, ряд», как полагает Бланк, была принята для обозначения порядка письменного абецедария, или последовательности букв в алфавите, порядка, который, как считалось, был оправдан именами букв опять же по их этимологии (ἄλφα от ἄλφεῖν, что означает «находить», так что имя отсылает к первой найденной букве, βῆτα, потому что она ἐπιβέβηκε, т.е. «поднялась» на вторую позицию, и т. д.²⁴); вторая часть — имя τάξις, как считалось, относится к правилам, управляющим последовательностью фонем в произносимых словах²⁵. Все эти разъяснения отсутствуют у Аммония, так что, чтобы понять его рассуждение, студенты должны были точно знать и текст Дионисия, и его этимологический контекст, который должен был стать им известным от учителей грамматики или из опубликованных комментариев к трактату Дионисия²⁶.

Аммоний, видимо, намеренно ставит цитату из Дионисия после указания на различие между γράμμα и στοιχεῖον, чтобы одновременно подчеркнуть и то, что грамматики их отождествляют²⁷, и то, что они сами хорошо знают — хотя

²⁴ См. полный, включающий все буквы ряд таких этимологических разъяснений, сохранившийся в двух вариантах в схолиях к Дионисию: Schol. Marc.: Hilgard 1901, 320.8–323.15; Schol. Lond.: Hilgard 1901, 488.13–490.6.

²⁵ См. варианты демонстрации и анализа данной, подразумеваемой в тексте Дионисия этимологии στοιχεῖον в схолиях: Schol. Vat.: Hilgard 1901, 192.8–11, 192.12–23, 193.3–7; Schol. Marc.: Hilgard 1901, 317.21–24, 318.8–16.

²⁶ Сам Дионисий не разворачивает этимологию στοιχεῖον: «γράμματα δὲ λέγεται διὰ τὸ γράμμαῖς καὶ ξυμαῖς τυποῦσθαι· γράψαι γὰρ τὸ ξύσαι παρὰ τοῖς παλαιοῖς, ὡς καὶ παρ' Ὁμήρῳ "Νῦν δέ μ' ἐπιγράψας ταρσὸν ποδὸς εὔχεαι αὔτως". Τὰ δὲ αὐτὰ καὶ στοιχεῖα καλεῖται διὰ τὸ ἔχειν στοῖχόν τινα καὶ τάξιν» («γράμμαта (буквы) называются так потому, что изображаются черточками и царапинами, ведь γράψαι [означает] у древних “прозаировать”, как и у Гомера: “Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься” (Il. XI,388). Они же называются и στοιχεῖα (элементами), поскольку имеют определенные строй и порядок») (Dion. Thrax *Ars gramm.* 6: Uhlig 1883, 9.1–6).

²⁷ См., например, место в комментарии Мелампода, где сопутствующие свойства (παρέπεται) элементов как связанные с письмом, так и с произнесением без различия даются в общем списке, а именно: письменное начертание (χαραχτήρ) по форме фигуры (треугольная, полукруглая, дугообразная и т.д.), имя (ἄλφα, βῆτα и т.д.), сила

это и не следует непосредственно из этимологии *στοιχεῖον*, — что буква в своем начертании и произнесении все же не совсем одно и то же²⁸. Против их отождествления в пользу мнения Аристотеля Аммоний выдвигает следующий аргумент: если бы Аристотель, говоря о τὰ ἐν τῇ φωνῇ и τὰ γραφόμενα, говорил о γράμμα и *στοιχεῖον*, то произношение не было бы названо символом имени (σύμβολον ... τοῦ ὀνόματος), но скорее его частью (μέρος), тогда как начертание (χαρακτήρ) и в самом деле было бы обоснованно названо символом, поскольку для одного и того же произношения можно придумать разные начертания, т.е. τὰ γράμματα. По словам Аммония, поскольку и имя *στοιχεῖον*, и имя γράμμα обычно применяются к произношению, причем собственное (χυριώτερον) имя для произношения здесь *στοιχεῖον*, а общее (и для произношения, и для его антонимической противоположности — написания) (χοινότερον) — имя γράμμα, Аристотель не стал использовать ни *στοιχεῖον*, ни γράμμα, но сказал τὰ γραφόμενα, поскольку это выражение более ясно (φανερώτερον) означало бы отпечатки (отображения) элементов (τοὺς τύπους τῶν στοιχείων), т.е. произносимых звуков (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 23.23–29). Бланк отмечает (Blank 2014, 145, п. 120), что суть аргумента в том, что ученики сразу поняли бы, что, если бы Аристотель под τὰ γραφόμενα имел в виду и γράμμα, и *στοιχεῖον* в их неотличимости, то произношение любой из букв не могло бы быть символом ее имени, но только его частью, как, например, произношение α не является символом имени этой буквы — ἀλφα, но только его частью, тогда как письменное начертание α является символом произношения и имени этой буквы, и самой этой буквы, поскольку его можно заменить и другим начертанием.

Таким образом, Аммоний деликатно и со скрытой иронией указывает ученикам на то, что если мы так же, как и грамматики, будем отождествлять γράμμα и *στοιχεῖον*, то они уже не смогут быть символами друг для друга, а если

(δύναμις) звучания (длинный, краткий, с придаханием, гласный, согласный и т.д.), порядок (τάξις) (например, перед гласными или согласными, или же после) (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 31.19–24). Схолии дают несколько вариантов классификации παρέπεται элементов, их обсуждение и предметное истолкование см.: Fuchsbauer 2014, 44–46.

²⁸ Например, Мелампод, вслед за Дионисием, утверждает положение о тождестве между γράμμα и *στοιχεῖον* (ταῦτόν ἐστι *στοιχεῖον* καὶ γράμμα), но следом указывает, что «истина же в том, что *στοιχεῖον* есть произнесение, а γράμμата есть образы и начертания (τὸ δὲ ἀληθές, ὅτι *στοιχεῖον* μέν ἐστιν ἡ ἐκφώνησις, γράμματα δὲ αἱ εἰκόνες καὶ οἱ χαρακτῆρες)» (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 32.16–20). Ср.: Schol. Vat.: Hilgard 1901, 192.26–28; Schol. Lond.: Hilgard 1901, 496.2–3.

их различим, то только отдельная γράμμα может быть символом для произнесения имени означаемой ею буквы, взятой как элемент, и самой этой буквы. Из этого следует, что Аристотель, говоря о τὰ γραφόμενα как о символе τὰ ἐν τῇ φωνῇ, говорил о начертаниях, символически (в виде отпечатков-отображений) означающих те звуки (элементы), что содержатся в отдельных завершенных звучаниях человеческого голоса, т.е. в единицах человеческой речи, заключающих в себе понятный смысл (мыслимое, или то, что Аристотель называет претерпеваниями в душе), иначе говоря, в произносимых словах. Именно в этом значении он и употребляет φωνή. При этом, как подразумевает Аммоний, если бы ученики были внимательнее, то поняли, бы что Аристотель имеет в виду заняться не любой φωνή, но только именами и глаголами (и тем, что им соответствует), поскольку только их сочетание в речи дает завершенное понятие о высказываемом, — и более того, не просто именами и глаголами в их сочетании, но только такими их сочетаниями, которые выражают утверждение или отрицание, т.е. высказывают истину или обнаруживают ложь относительно того, что мыслится в высказываемом.

По существу, комментарий Аммония к первым трем главам «Об истолковании» во многом сводится к своеобразному переписыванию терминологии современной ему грамматической теории применительно к задачам Аристотеля. Главное, что он делает вслед за Аристотелем, — переопределяет понятия φωνή, ὄνομα и ρῆμα.

Как мы видели, текст рассмотренного нами истолкования подразумевал, что ученики Аммония понимают φωνή в широком смысле звучаний человеческого голоса. Но в «Об истолковании» Аристотеля, согласно определению Аммония, φωνή означает всякое звучащее слово человеческого языка, или, как он говорит, так обозначая слово, «простое [членораздельное] звучание» (ἀπλή φωνή), определяя такие звучания «как означающие вещей, которым они были назначены (ώς σημαντικάς τῶν πραγμάτων οἵς ἐτέθησαν)» (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 10.4–5). У такого звучания одно и то же подлежащее (ὑποκείμενον) с ὄνομα, ρῆμа, φάσις и ὄρος, т.е. все они различаются только лишь отношением. Как простое, ἀπλή φωνή абстрагировано от любых отношений, кроме отношения к вещи, которую оно означает, но, будучи рассмотрено со стороны своей грамматической формы в предложении (например, одно φωνή сочетается с артиклами, а другое нет, но, в отличие от первого, имеет временные формы), обнаруживается как нечто различное, например, как имя или глагол (или другая часть речи). В свою очередь, если имя или глагол рассматривается как часть утверждения или отрицания (ώς μέρος ... καταφάσεως ἢ

ἀποφάσεως), то такое *φωνὴ*, взятое как имя или глагол, называют именем «выражение» (*φάσις*), если же любое из них используется в силлогизме, то оно называется «термин» (*ὅρος*) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 9.28–10.31)²⁹.

Такое значение *φωνὴ* отличалось от того, что было принято в грамматике, где это слово использовалось скорее как родовое обозначение для всего, что относится как к минимальной единице речи, имеющей значение, т.е. к слову, независимо от того, записано оно или произнесено, так и вообще к человеческой речи. К грамматической традиции понимания *φωνὴ* и соответственно всех основных единиц деления человеческой речи мы и перейдем, чтобы после выяснить чем предметно отличалось понимание этих вопросов и соответствующее ему ограничение значений терминов в философии.

3. Грамматическое понятие о *φωνὴ*, *ὄνομα*, *ῥῆμα*, *λόγος* и *λέξις*

Грамматическая традиция определяет посредством имени *φωνὴ* и букву, и слово, и само собой слоги, описывает тональности и в широком смысле означает в целом акты произнесения на человеческом языке.

а) Буква как *φωνὴ*

Так, Мелампод в своем комментарии, почти целиком сохранившемся в *Scholia Vaticana*, сетуя на отсутствие определения буквы у Дионисия, определяет ее следующим образом: «Что же тогда есть элемент? Произнесение, или иначе: первичное и безчастное [т.е. неделимое на части] человеческое звучание (Τί οὖν ἔστι στοιχεῖον; Ή ἐκφώνησις· καὶ ἄλλως· ἡ πρώτη καὶ ἀμερής τοῦ ἀνθρώπου φωνὴ» (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 31.5–7), и далее поясняет, что никакой из элементов уже не может быть разделен, тогда как слог делится на два, три и даже более элементов. Следом Мелампод приводит еще одно определение: «элемент — это то наименьшее, из чего состоит нечто сложное, и то наименьшее, на что оно разлагается (στοιχεῖον ἔστιν ἐξ οὗ ἐλαχίστου συνίσταται τι ἐν συνθέσει καὶ εἰς ὃ ἐλαχίστον ἀναλύεται)», и действительно, снова поясняет он, как сказано в определении (ώς ἔφη ὁ ὅρος), из этих наименьших состоят слоги, из слогов слова (ἀπὸ τῶν συλλαβῶν αἱ λέξεις), из слов предложения (ἀπὸ τῶν λέξεων οἱ λόγοι), из предложений стихи и прозаические сочинения (ἀπὸ τῶν λόγων τὰ ποιήματά τε καὶ τὰ συγγράμματα); и наоборот, стихи и прозаические сочинения разлагаются на предложения, предложения на слова, слова на слоги, а слоги

²⁹ Аммоний следует разработанной еще Порфирием семантической теории четырех стадий наложения имен. См.: Lloyd 1990, 38; Ebbesen 1990, 141–171.

на элементы, но не дальше, так как элемент уже не может разложиться на что-либо меньшее, чем он сам (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 31.7–17). Меламп под здесь перечисляет все составляющие, из которых составляются для грамматика все, независимо от автора и жанра, главные предметы его занятий — поэтические и прозаические сочинения. Далее в Scholia Vaticana мы находим ряд определений, дополняющих основное определение Мелампода: «элемент есть первичное и безчастное человеческое звучание; или: записанное безчастное звучание; или: наименьший звук звучания греческого [языка] (Στοιχεῖον … ἐστιν ἡ πρώτη καὶ ἀμερής τοῦ ἀνθρώπου φωνή, ἡ φωνὴ ἐγγράμματος ἀμερής, ἡ φωνῆς Ἐλληνίδος φθόγγος ἐλάχιστος» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 182.12–14). Scholia Marciana дает для стοιχείон тот же набор определений элемента, что и Scholia Vaticana, добавляя только ἐκφώνησις ἀμερής («неделимое произнесение») (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 316.27–29). Предваряют этот ряд определения философов: приписываемое Кратету («наименьшая часть звучания (φωνῆς μέρος [τὸ] ἐλάχιστον)», с пояснением: «он сказал: “наименьшая часть” как [взятая] по отношению ко всему составу [или: системе] записанного звучания (“μέρος ἐλάχιστον” εἶπεν ὡς πρὸς τὸ ὅλον σύστημα τῆς ἐγγράμματου φωνῆς)») и второе — Аристотелю («простое и неразделимое звучание, [являющееся частью] составного (ἀπλῆ καὶ ἀδιαιρέτος φωνὴ τῆς κατὰ σύνταξιν») (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 316.24–27)³⁰. Scholia Londinensia для 6 параграфа Ars grammatica о букве даже содержит отдельный раздел, в котором представлены краткие истолкования различных философских (Диогена Вавилонского, Платона, Эпикура, Демокрита и стоиков) и грамматических определений φωνή (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 482.2–483.10), а в разделе Περὶ στοιχείου мы находим первые два определения элемента из Scholia Vaticana, а также еще одно, представляющее собой толкование определения, приписанного в Scholia Marciana Аристотелю при помощи текста в том же месте поясняющего определение Кратета: «элемент есть звучание [являющееся] частью составного [звукания], наименьшей по отношению ко всему составу [или: системе] записанного звучания (στοιχεῖόν ἐστι φωνὴ τῆς κατὰ σύνταξιν μέρος ἐλάχιστον πρὸς ὅλον τὸ σύστημα ἐγγράμματου φωνῆς)». Кроме того, в Scholia Londinensia отмечается не только обычное отождествление γράμμα и στοιχεῖον, но и наличие различия между ними как между записанным и произносимым, так что γράμμα вполне в соответствии с философским понятием определяется как знак элемента (γράμμα … σημεῖον στοιχείου) (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 483.15–22).

³⁰ Ср. начало определения буквы (элемента) в «Поэтике» Аристотеля: Arist. Po. 20, 1456b22.

б) Слог как *φωνή*

Следующая устойчивая языковая единица, к которой обращаются грамматики, — это слог. Согласно определению Дионисия, «слог есть, строго говоря, слияние согласных с гласным или гласными (*Συλλαβή ἐστι χυρίως σύλληψις συμφώνων μετὰ φωνήεντος ἢ φωνηέντων*)» (Dion. Thrax *Ars gramm.* 7: Uhlig 1883, 16.7–17.1). Уже из этого определения видно, что имя *φωνή* является корневым для имен составляющих слога звучаний, каковыми являются гласные и согласные звучания — *φωνήεντα καὶ σύμφωνα*. Схолиасты, однако, дополняют определение Дионисия. Мелампод даёт такое определение: «слог есть, строго говоря, слияние согласных с гласным или гласными, проговариваемое без перерыва под одним тоном³¹ и на одном выдохе (*συλλαβή ἐστι χυρίως σύλληψις συμφώνων μετὰ φωνήεντος ἢ φωνηέντων ὑφ' ἐν τόνον καὶ ἐν πνεύμα ἀδιαστάτως λεγομένη*)» (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 48.13–15), дополняя определение Дионисия, чтобы исключить возможность спутать слог с любым из предложений, книгой прозы или поэмы, коль скоро все они состоят из сочетаний гласных и согласных, но ничто не произносится одним тоном, на одном выдохе и без перерыва. Однако, поскольку так произносятся также и отдельные слова, Мелампод уточняет, что это определение слога в действительности законченное, т.е. совершенное (*τέλειος*), поскольку все слова, начиная с двусложных и далее, делятся именно на слога, в то время как слова делятся только на буквы. Данное определение вместе с пояснениями Мелампода есть не только в *Scholia Vaticana*, но и в *Scholia Marciana*. Другое определение с подобным по смыслу пояснением мы находим в *Scholia Londoniensia*: «слог есть подходящее сочетание элементов, проговариваемое без перерыва под одним тоном и на одном выдохе (*συλλαβή ἐστι συμπλοκή στοιχείων κατάλληλος ὑφ' ἐν τόνον καὶ ἐν πνεύμα ἀδιαστάτως λεγομένη*)» (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 508.26–27). Это же определение (с несущественной заменой завершающего его слова *λεγομένη* на *ἀγομένη*) содержится и в *Scholia Marciana* (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 346.10–12), где за ним следует еще одно: «слог есть подходящее сочетание элементов, [согласных] с гласным или гласными, лишенное мысли (*συλλαβή ἐστι συμπλοκή στοιχείων κατάλληλος μετὰ φωνήεντος ἢ φωνηέντων χηρεύουσα νοῦ*)» (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 346.12–13). Данное определение уже содержит указание на то, что слог является таким сочетанием букв, которое, в отличие от слова, не несет смысла, т.е. не обладает, как и сами буквы, значением. И буквы, и слога, конечно, в качестве терминов, означают

³¹ Под тоном, т.е. под ударением.

щих части, из которых в итоге составляется слово, имеют смысл в рамках теории грамматики, но ни одна буква и ни один слог сами по себе не означают вещи или события, существующие сами по себе, а не только как элемент в составе чего-то другого, существовавшие или способные появится в будущем, которые доступны при посредстве букв и слогов для понимания. Этот прагматический момент понимания языка является господствующим как в античной и византийской грамматике, так и в философии этого времени.

в) Слово и предложение в грамматической теории

Именно этот момент, по словам Мелампода, упускает в своем определении слова Дионисий: «слово есть наименьшая часть предложения (Λέξις ἐστὶ μέρος ἐλάχιστον τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου³²» (Dion. Thracx *Ars gramm.* 11: Uhlig 1883, 22.4), которое нужно дополнить фразой *νοητόν τι σημαίνον*, так что, когда нас спросят «Что есть слово?», мы смело ответим: «Наименьшая часть предложения, означающая нечто мыслимое (Μέρος ἐλάχιστον τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου νοητόν τι σημαίνον)» (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 56.16–25). Буквы и слога не означают ничего понятного, и даже однобуквенные или односложные слова (прежде всего артикли, местоимения, предлоги, союзы) имеют значение не потому, что они состоят из одной буквы или слога, но поскольку расположены вместе с другими словами в должном и подобающем порядке произносимого предложения (ἐν δεούσῃ καὶ πρεπούσῃ τάξει προφερομένου λόγου) (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 56.25–31). Как утверждает Мелампод, Дионисий не от незнания высказывал определение слова эллептически (ἐλλιπῶς), т.е. пропустив его часть, но, как и в случае определения слога, «он как пишущий для начинающих, то есть в комментарии, некоторые вещи обходил молчанием (ώς πρὸς εἰσαγομένους ἥτοι ἐν ὑποκυήματι γράφων τινὰ παρεσιώπησε)» (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 56.20–22)³³. Это ясно из определения пред-

³² В исходном для комментаторов тексте Дионисия τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου (или в номинативе: ὁ κατὰ σύνταξιν λόγος) грамматически обозначает предложение как составленное из слов законченное по смыслу высказывание. Соответственно, то же терминологическое значение в грамматике приобретает и просто λόγος.

³³ Это пояснение Мелампода добавляет в случаях неполноты определений, формулируемых Дионисием. Вероятно, с одной стороны, он исходит из того, что дело теоретических сочинений, обсуждающих основные понятия грамматики, является прикладным к устному обучению. Это заметки для памяти, к чему и сводится первоначальное значение комментария, в то время как тот, кто уже стал грамматиком, прежде всего, занимается исправлением и критикой письменных поэтических и

ложения, которое он дает, чтобы не оставить читателя в неведении относительно соответствующей части определения слова: «Предложение же есть сложение слов в прозе, выявляющее законченное [или: совершенное] размышление (*Λόγος δέ ἐστι πεζῆς λέξεως σύνθεσις διάνοιαν αὐτοτελῆ δηλοῦσα*)» (Dion. Thrax *Ars gramm.* 11: Uhlig 1883, 22.5). В этом определении Дионисий указывает, что предложение представляет собой экспликацию законченного размышления, а соответственно, и слово должно представлять его часть, т.е. иметь законченный смысл, который в сочетании с другими смыслами дает завершенное размышление. Мелампод поясняет, что Дионисий ограничивает свое определение словами в прозе, т.е. разговорной речью, отделяя ее от речи, написанной в метре (или размером), поскольку «сложение слов в размере, означающее законченную [или: совершенную] мысль, называется периодом (*ἔμμετρος σύνθεσις τῶν λέξεων τελείαν ἔννοιαν σημαίνουσα περίοδος καλεῖται*)». А поскольку «*αὐτοτελῆ*» в силу равнозначности может быть употреблено вместо «*τελείαν*», то в ответ на вопрос о том, что есть предложение, можно сказать: «сложение слов в разговорной речи, означающее законченную [или: совершенную] мысль (*Σύνθεσις λέξεως τῆς καταλογάδην τελείαν ἔννοιαν σημαίνουσα*)» (Comment. Melamp.: Hilgard 1901, 57.7–11).

Можно привести и другой, основанный на определении Дионисием предложения вариант его дополненного определения слова, как пишет комментатор в тексте сохранившемся в *Scholia Vaticana* (возможно, Стефан): «Разъяснив буквы и слога, далее искусный [Дионисий] переходит к рассуждению о слове, [и делает это] обоснованно, ведь из элементов же [сложены] слога, из слогов слова, из слов размышления, из размышлений законченное [или: совершенное] предложение, так что в самом деле он обучает начинаяющих по порядку (*Διεξελθὼν ὁ τεχνικὸς περὶ τῶν στοιχείων καὶ περὶ τῶν συλλαβῶν λοιπὸν παραβαίνει εἰς τὸν περὶ τῆς λέξεως λόγον, εἰκότως· καὶ γὰρ ἀπὸ τῶν στοιχείων συλλαβαί, ἀπὸ δὲ συλλαβῶν λέξεις, ἀπὸ δὲ λέξεων διάνοιαι, ἀπὸ δὲ διάνοιῶν ὁ τέλειος λόγος· ὥστε οὖν κατὰ τάξιν τοὺς εἰσαγομένους ἐκπαιδεύει*)» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 211.25–212.1). Однако слово определено Дионисием плохо, поскольку таково же и определение элемента, но уместнее было сказать иначе: «[слово есть] наименьшая часть размышления, [выраженного] предложением (*μέρος ἐλάχιστον διανοίας*

прозаических текстов, так что написание учебных текстов — идея, которую наилучшим образом реализовал Дионисий, оказывается случайным продуктом практик устного обучения. С другой стороны, так позволительно поступать родоначальникам традиции, но их продолжатели уже стремятся к полному комментарию, занимаясь исправлением и критикой их собственных текстов.

τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 212.1–4)³⁴, т.е. добавить «размыщление» в определение Дионисия, взяв это слово из его же определения предложения. В согласии с таким аппаратом терминов этот автор, указав на исключение Дионисием из определения слов, сложенных в метре, дает такое определение предложения: «[предложение есть] подходящее сложение слов, соответствующее [или: равное] размыщлению (σύνθεσις λέξεων κατάλληλος διάνοιαν ἀπαρτίζουσα)», поскольку предложение сложено из размыщлений, размыщление же из слов (ό γάρ λόγος ἐκ διανοιῶν, ή δὲ διάνοια ἐκ λέξεων), а из размыщления, т.е. из связанных мыслей, складывается законченное, или совершенное, предложение (ἐκ ... διανοίας συνίσταται ὁ τέλειος λόγος) (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 214.4–12)³⁵.

Оба приведенные определения слова, как и у Дионисия, не содержат φωνή, однако несколькими строками ниже уже процитированного нами определения слова комментатор из Scholia Vaticana дает еще одно: «слово есть записанное звучание, исполняющее нечто мысленное (λέξις ἐστὶ φωνὴ ἐγγράμματος νοητόν τι ἀποτελοῦσα)» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 212.22–23). В этом определении λέξις предстает в качестве итога записи произнесенного слова, фиксирующей на письме определенный смысл. То же определение слова мы находим в тексте другого автора (предположительно Гелиодора) в Scholia Londinensis (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 512.35–36), которое он предваряет еще одним исправлением определения Дионисия, которое он только дополняет указанием на завершенность предложения, взятым из определения Дионисием предложения: «”Ἐστι δὲ λέξις μέρος ἐλάχιστον τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου αὐτοτελές» (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 512.27–28), а после воспроизводит еще одно более развернутое определение слова с пояснением к завершающему его причастию: «слово есть наименьшее записанное безчастное звучание, отдельно проговоренное и отдельно помысленное, проводимое (или говоримое, или произносимое) под одним тоном и на одном выдохе (“λέξις ἐστὶν ἐλαχίστη φωνὴ ἐγγράμματος ἀμερής ἴδια ῥητὴ καὶ ἴδια νοητή, ὑφ' ἔνα τόνον καὶ ἐν πνεύμα ἀγομένη” ή λεγομένη ή προφερομένη)» (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 513.1–3). Контекст обсуждения последнего из этих определений обнаруживается в одном из фрагментов в Scholia Marciana: оказывается данное определение не содержало слова ἐλαχίστη (т.е. указания на то, что слово — это наименьшее звучание), кроме

³⁴ Scholia Marciana содержат еще один вариант данного рассуждения, соединенного с аргументацией Мелампода по этому вопросу, так что оба определения (и данное, и то, что предлагает Мелампода) оказываются в одном поле аргументации (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 353.9–22).

³⁵ Ср. еще одно обсуждение дионисиевого определения предложения с данным вариантом его правки: Schol. Marc.: Hilgard 1901, 355.16–32.

того, к итоговому определению автор этого фрагмента добавляет более полное пояснение к слову ἀγομένη: ἡ λεγομένη ἡ προφερομένη, ἀδιαφόρως γὰρ λεκτέον («проводимое, или говоримое, или произносимое, ибо следует сказать, не проводя различия») (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 352.35–40). В другом фрагменте в Scholia Marciana, который открывает раздел Περὶ λέξεως, еще одно, совсем краткое и очевидно неполное, определение слова через звучание без каких-либо пояснений помещено непосредственно за определением Дионисия: «Что есть слово? Наименьшее звучание, представляющее собой часть предложения (Τί ἔστι λέξις; Φωνὴ ἐλαχίστη μέρος λόγου παριστῶσα)» (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 352.21).

Однако следует различать в определениях слова и предложения Дионисием два момента: *σύνθεσις* (сложение) и *παράθεσις* (рядоположение) — имя, которое соответствует *κατὰ σύνταξιν* в его определении слова. Данное различие в этом случае соответствует различию между синтезом и анализом в философии. Комментатор из Scholia Marciana в связи с этим среди множества приведенных им определений имени *λόγος* (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 353.29–355.15), поскольку оно омонимично и грамматику нужно выбрать правильное с точки зрения грамматики значение, дает его следующее определение как предложения: «Говорят *λόγος* и [в значении] рядоположения слов, выявляющего законченное [или: совершенное] размышление, то есть предложение, как [например, такое] “закончи предложение”, которое [таким образом] становится состоящим из частей, то есть одночастным, двухчастным, трехчастным, четырехчастным, пятичастным, шестичастным, семичастным, есть же [такое], что составлено и из восьми частей (Λέγεται λόγος καὶ ἡ αὐτοτελῆ διάνοιαν τῶν λέξεων δηλοῦσα παράθεσις, τουτέστιν δὲ κατὰ σύνταξιν λόγος, ὡς τὸ “τελείωσον τὸν λόγον”, διὸ μερικὸς γίνεται, τουτέστι μονομερής καὶ διμερής καὶ τριμερής καὶ τετραμερής καὶ πενταμερής καὶ ἕξαμερής καὶ ἑπταμερής, ἔστι δὲ καὶ ἀπὸ τῶν ὀκτὼ μερῶν συνιστάμενος)» (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 354.7–11). Вероятно, тот же комментатор немногим далее, исходя из этого различия поясняет развернутое определение слова: «слово есть наименьшее записанное безчастное звучание, отдельно проговоренное и отдельно помысленное, проводимое под одним тоном и на одном выдохе». В нем *ἰδίᾳ ρήτῃ καὶ ἰδίᾳ νοητῇ* соответствует *παράθεσις* слов в предложении, а *ὑφ' ἔνα τόνον καὶ ἐν πνεύμα* их *σύνθεσις* (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 355.24–29).

г) Имя и глагол как части предложения

Рядоположение слов в предложении означает и позволяет выявить различие и число частей предложения (*λόγου μέρη*) (или в более привычном для

русской грамматики именовании: частей речи), из которых оно сложено. В зависимости от того, сколько их присутствует в предложении без учета повтора одних и тех же, предложения разделяются по рядоположению слов в них в порядке от одночастных, т.е. состоящих из одного глагола (это часть предложения, которая может составлять законченное, или совершенное, предложение, поскольку глагол при употреблении в речи в таких случаях подразумевает и то, что действует), до восьмичастных, т.е. тех, в которых есть все восемь. Тот же комментатор из *Scholia Marciana* приводит в пример предложение из «Илиады» «πρὸς δ' ἐμὲ τὸν δύστηγον ἔτι φρονέοντ' ἐλέαιρε» (*Il. XXII.59*) (*Schol. Marc.*: Hilgard 1901, 354.18–20), в котором есть все восемь частей предложения и только восемь слов (по порядку: предлог, союз, местоимение, artikel, имя, наречие, причастие и глагол), и которое Мелампид описывает как очередное подтверждение божественности вдохновения, украшавшего стихи Гомера, и его первенства среди поэтов (*Comment. Melamp.*: Hilgard 1901, 58.13–19)³⁶.

Частей предложения — восемь, однако главных из них — только две: имя и глагол, поскольку без их сложения никакие комбинации других частей предложения между собой не могут в итоге дать законченное предложение. Дионисий определяет имя и глагол следующим образом: «Имя есть склоняемая часть предложения, обозначающая тело или дело, тело — такое, как камень, дело — такое, как воспитание, и говоримая обще и особенно, обще — так, как человек, лошадь, особенно — так, как Сократ³⁷ ("Ονομά ἐστι μέρος λόγου πτωτικόν, σῶμα ἢ πρᾶγμα σημαῖνον, σῶμα μὲν οὖν λίθος, πρᾶγμα δὲ οὖν παιδεία, κοινῶς τε καὶ ἰδίως λεγόμενον, κοινῶς μὲν οὖν ἀνθρωπος ἵππος, ἰδίως δὲ οὖν Σωκράτης"); «Глагол есть беспадежное слово, принимающее времена, лица и числа и представляющее действие или претерпевание ("Ρῆμά ἐστι λέξις ἀπτωτος, ἐπιδεκτικὴ χρόνων τε καὶ προσώπων καὶ ἀριθμῶν, ἐνέργειαν ἢ πάθος παριστάσα")» (*Dion. Thrax Ars gramm.* 11: Uhlig 1883, 24.11–15, 46.4–5). Например, комментатор из *Scholia Vaticana*, поясняя эти определения, дает следующие общие определения имени и глагола: «Так вот, собственное [свойство] имени обретается в том, чтобы обозначать сущность; сущность же есть нечто самосуществующее само

³⁶ Cp.: *Schol. Marc.*: Hilgard 1901, 357.29–36.

³⁷ Напомним, что в античной и византийской теории языка имена делились на нарицательные (*αἱ προστγορίαι*) и собственные, хотя стоики полагали, что это разные части речи, мнение, опровергнутое во всех комментариях на трактат Дионисия отводилось особое выделенное место. Отметим также, что имена нарицательные включали, помимо существительных в современной терминологии, также прилагательные.

по себе, не связанное другим для того, чтобы быть; из сущностей одни являются чувственно воспринимаемыми, другие умопостигаемыми. Собственное [свойство] глагола [обретается] в том, чтобы обозначать дело; дела же свершаются посредством людей, либо в качестве действующих, либо в качестве претерпевающих (Τοῦ μὲν οὖν ὀνόματος ὅδιον τυγχάνει τὸ οὐσίαν σημαίνειν. ἔστι δὲ οὐσία αὐθύπαρκτόν τι καθ' ἑαυτό, μὴ δεόμενον ἐτέρου εἰς τὸ εἶναι. τῶν δὲ οὐσιῶν αἱ μέν εἰσιν αἰσθηταὶ, αἱ δὲ νοηταὶ. Τοῦ δὲ ῥήματος ὅδιον τὸ σημαίνειν πρᾶγμα. τὰ δὲ πράγματα διὰ τῶν ἀνθρώπων κατορθοῦται ἡ ὡς ἐνεργούντων ἡ ὡς πασχόντων)» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 215.26–30). Этот комментатор (возможно, Стефан), по сути, использует здесь ту же терминологию (ὅδιον, οὐσία, αὐθύπαρκτόν, καθ' ἑαυτό) и определение сущности, что и современные ему преподававшие в неоплатонических школах философы, однако контекст определения ключевых для начал грамматики терминов οὐσία и πρᾶγμα восходит у него, как и у автора трактата *Ars grammatica* и других его комментаторов, к стоической теории языка. Он указывает как собственное свойство имени — обозначение сущности, которая сама по себе выражает нечто, либо чувственно воспринимаемое, либо умопостигаемое. Первое — это тело из определения имени Дионисия, второе — дело, как нечто постигаемое умом или абстрагированное от деятельности. Под ними понимается следующее: «Тело в собственном смысле есть нечто, имеющее три измерения: длину, глубину, ширину, — что подпадает под наши чувства, поскольку тела мы видим, или касаемся их, или вкушаем, тогда как дело — это то, что схватывается только размышлением и созерцательно, как сказал и сам искусный [Дионисий] (Σῶμα μέν ἔστι χυρίως τὸ τριχῇ διαστατόν, μήκει βάθει πλάτει, ὅπερ ὑποπίπτει τῇ ἡμετέρᾳ αἰσθήσει. τὰ γὰρ σώματα ὁρῶμεν ἡ ψηλαφῶμεν ἡ ἀπογευόμεθα. πρᾶγμα δέ, διανοίᾳ καὶ θεωρητικῶς λαμβάνεται, ὡς καὶ αὐτὸς εἶπεν ὁ τεχνικός)» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 217.10–14)³⁸. Соответственно, собственное свойство глагола — обозначать именно дело, но прежде всего не в качестве умопостигаемого объекта — а именно, в качестве обозначения той или иной сферы деятельности, что делает имя (например, παιδεία из определения Дионисия), а по преимуществу как то или иное конкретное действие или претерпевание сущности или физической вещи, как таковое осмысленно схватываемое только в уме³⁹.

³⁸ Cp.: Schol. Marc.: Hilgard 1901, 360.5–13; Schol. Lond.: Hilgard 1901, 524.13–18.

³⁹ См. в связи с этим о проблеме инфинитива в античной и византийской теории грамматики, возникшей в виду того, что он не указывает на конкретное действие субъекта: Мажуга 2011.

д) Спор о первенстве между именем и глаголом

Применительно к порядку (ή τάξις) составления предложения и рассмотрения его частей имя ставится на первое место. Однако, по словам комментатора из Scholia Vaticana: «Относительно порядка стоит исследовать, почему он [т.е. Дионисий] поставил имя на первое место, хотя глагол рождается прежде его по природе, поскольку дела всегда рождаются прежде сущности. Но в оправдание того, что имя правильно поставлено перед глаголом, хватит того, что, даже если глагол и поставлен прежде имени по природе, но все же именно через сущности являются дела (Περὶ δὲ τῆς τάξεως ἀξιον ζητήσαι, τί δή ποτε τῶν ἀπάντων προέταξε τὸ ὄνομα, τοῦ ρήματος προγενεστέρου ὅντος τῇ φύσει· ἀεὶ γάρ τὰ πράγματα τῶν οὐσιῶν προγενέστερά εἰσιν. Καὶ τοῦ μὲν ρήματος ὅτι δικαίως τὸ ὄνομα (προ)τέτακται, ἀποχρήσει εἰς ἀπολογίαν, ὅτι εἰ καὶ προτέτακται τῇ φύσει τὸ ρῆμα, ἀλλ’ οὖν γε διὰ τῶν οὐσιῶν τὰ πράγματα φαίνεται)» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 216.8–13). В комментарии на параграф Ars grammatica о глаголе в тех же схолиях эта позиция резюмируется как нечто неизбежное и весь комментарий к этому параграфу начинается следующей фразой: «Глагол по необходимости размещается после имени, ведь хоть он и первенствует по природе, но, поскольку без сущности он не является, мы согласились с тем, чтобы имя стояло на первом месте (Τὸ ρῆμα ἀναγκαίως μετὰ τὸ ὄνομα κατετάγη· τῇ φύσει μὲν γάρ πρωτεύει, διὰ δὲ τὸ δίχα τῆς οὐσίας μὴ φαίνεσθαι συγκεχωρήκαμεν τὸ ὄνομα προτάττεσθαι)» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 244.5–7). Ту же точку зрения представляет в своем комментарии Гелиодор, но без указания на первенство глагола по природе, хотя явно имея в виду контекст полемики по поводу первенства имени или глагола: «И притом имя первенствует, поскольку получает свое место согласно сущности, глагол же является вторым, поскольку [получает свое место] согласно делам. Так что по необходимости глагол поставлен после имени, в силу чего оно первенствует в отношении других частей предложения (Καὶ τὸ μὲν ὄνομα πρεσβεύει, ὅτι κατὰ οὐσίας τίθεται, τὸ δὲ ρῆμα δευτερεύει, ὅτι κατὰ πραγμάτων· ἀναγκαίως τοίνυν μετὰ τὸ ὄνομα τὸ ρῆμα τέτακται, καθὸ πρεσβεύει τῶν ἄλλων μερῶν τοῦ λόγου)» (Comment. Heliodor.: Hilgard 1901, 71.5–8).

Схолии к Дионисию не содержат прямых указаний на источники отразившегося в этих высказываниях спора о первенстве составляющих каркас всякого предложения имени или глагола. Утверждение о первенстве глагола по природе, вероятно, отсылает к давним дискуссиям, сопутствовавшим формированию школьной теории грамматики. Вероятно, первенство глагола по природе скорее следует понимать чисто грамматически: по природе, т.е. непосредственно в конкретном предложении, в том естественном порядке, в

каком оно произнесено или записано (на это указывает формулировка в первой из приведенных цитат: *ὅτι εἰ καὶ προτέταχται τῇ φύσει τὸ ρῆμα*), в отличие от теоретического рассмотрения в смысле выявления первенствующей части среди частей предложения⁴⁰ (хотя объяснение первенства глагола в этой цитате тем, что дела рождаются прежде сущности, а потому и глагол рождается прежде имени, неоднозначно). С этой точки зрения, гипотетически речь могла бы идти 1) о конкретных предложениях, где глагол по отношению к имени оказывался на первом месте, что невероятно, учитывая тот факт, что глагол не слишком часто предшествует имени в предложениях; 2) о лексикографических определениях, где инфинитив мог занимать место определяемого по его значениям имени; 3) просто об одночастных предложениях из одного глагола или других предложениях с большим количеством частей, где в соответствии с синтаксисом греческого языка отсутствует местоимение; но с наибольшей долей вероятности могло подразумеваться 4) особое совершенство глагола, который в греческом способен составить одночастное предложение, т.е. понятное и в этом смысле совершенное предложение, в то время как имя, подобно всем другим частям предложения, на это неспособно. Последнее объяснение в качестве весомого аргумента, включающего оценку с точки зрения технического совершенства природы глагола, по существу, подкрепляет второе и третье.

На третье и косвенно на четвертое объяснения отчетливо указывает повторение того же топоса полемики, указывающего на первенство сущностей и их имен перед делами и означающими их глаголами, в отношении дел и лиц, т.е. лиц глагола, в одном из фрагментов *Scholia Londinensia*, автор которого вступает в спор со мнением, о том, что само имя появляется после дела, так как по природе дела являются первыми в отношении лиц (*ἐπεί, φασιν, αὐτὸ δνομα τοῦ πράγματος ὑπάρχει, ἔστι δὲ πρώτα φύσει τῶν προσώπων τὰ πράγματα*). Он присоединяется к противоположному мнению: «в самом деле, поскольку дело видится через лицо, то лучше ставить на первое место лицо, через которое познается дело; дело, стало быть, занимает второе место, поскольку с лицом и через лицо оно по природе вместе и мыслится, и является (*ἐπεὶ τοίνυν τὸ πράγμα διὰ προσώπου ὄρθται, ἀμεινον προτάττεσθαι τὸ πρόσωπον, δι' οὐ τὸ πράγμα γνωρίζεται· δεύτερον δὴ τὸ πράγμα, ἀτε δὴ σὺν προσώπῳ καὶ διὰ προσώπων φύσει νοούμενον, ἀμα καὶ φαινόμενον*)» (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 558.21–30)⁴¹. На эту

⁴⁰ На эту мысль меня натолкнул Дмитрий Черноглазов.

⁴¹ Ср. это же обсуждение, но без указания на первенство глагола по природе: Schol. Marc.: Hilgard 1901, 400.5–18.

связь указывает и неизвестный автор компиляции *Grammatica*, приписывавшейся Феодосию Александрийскому⁴², когда он, отстаивая первенство имени перед глаголом посредством первенства сущностей перед делами, указывает, что именно сущность действует и претерпевает, испытывая то, что выражает глагол, т.е. сами действия и претерпевания, и соответственно в этих глаголах можно смыслить именительный падеж, без чего сущность в одном из трех грамматических лиц не была бы проявлена вовсе, т.е. предложение бы не состоялось, поскольку не было бы понятно: «Имя же стоит прежде глагола, потому что имя говорится в отношении сущностей, а глагол в отношении дел. Сущности же главное дел <...> Перед глаголом же по необходимости лежит имя. Ведь действовать и претерпевать есть [свойства] сущности, в отношении которой совершается полагание имен, из которых, а именно имен, возникает свойство глагола. А это и есть действие и претерпевание. Можно поэтому иметь смыслимым в самих этих глаголах именительный падеж, без которого не могла быть явлена сущность, в первом и втором лице определенная, и в третьем лице неопределенная (Προτέτακται δὲ τὸ ὄνομα τοῦ ρήματος, ὅτι τὸ ὄνομα κατ' οὐσιῶν λέγεται, τὸ δὲ ρήμα κατὰ πραγμάτων. Κυριώτεραι δέ εἰσιν αἱ οὐσίαι τῶν πραγμάτων. <...> Πρὸ τοῦ ρήματος δὲ ἐξ ἀνάγκης κεῖται τὸ ὄνομα. Ἐπειδὴ τὸ ἐνεργεῖν τε καὶ πάσχειν τῆς οὐσίας ἐστί, καθ' ἣν ἡ Θέσις τῶν ὄνομάτων ἐστίν. ἐξ ὅν ὄνομάτων δηλαδὴ ἡ ἴδιότης τοῦ ρήματος γεννᾶται. Τοῦτο δέ ἐστιν ἡ ἐνέργεια καὶ τὸ πάθος. "Ἐνεστὶ τοιγαροῦν συννοούμενη ἐν αὐτοῖς τοῖς ρήμασιν ἡ εὐθεῖα, ἡς ἄνευ οὐχ οἴα τέ ἐστιν ἡ οὐσία δηλωθῆναι, ἐν μὲν τῷ πρώτῳ καὶ δευτέρῳ προσώπῳ διωρισμένη, ἐν δὲ τῷ τρίτῳ προσώπῳ ἀδιόριστος») (Goettling 1822, 17.31–18.16). Иными словами, только различая в уме лица глагола по его окончаниям в данном конкретном предложении, и зафиксировав по именительному падежу субъект действия и претерпевания, читающий или слушающий понимает, о ком и о чем идет речь, т.е. соединяет дело с чувственно данным или воображаемым действующим лицом, которое в этом смысле первое собственного действия.

Помимо уже указанного объяснения первенства глагола перед именем тем, что дела рождаются прежде имени, которое выглядит как простая тавтология (поскольку как глагол в греческом предложении часто не нуждается в субъекте, так и дело, выражющее действие или претерпевание субъекта, его уже заранее подразумевает), у византийских грамматиков мы все же встречаем объяснение точно соответствующее третьему и четвертому из предложенных выше оснований аргументации тех, кто полагал, что глагол по природе предшествует имени. Это делает Иоанн Харакс, фрагменты из комментария которого на «Каноны» Феодосия Александрийского сохранили

⁴² Изд.: Goettling 1822, 1–197 (*Grammatica*).

патриарх Александрийский Софроний⁴³, причем он ставит вопрос о доказательстве первенства по природе именно имени: «Имя же по природе поставлено впереди глагола, а “по природе” я говорю не о [порядке] самих по себе слов, поскольку в этом отношении как части [предложения] они [т.е. имя и глагол] существуют одновременно, но о [порядке] вещей, о которых они сказываются [или сказуемыми которых являются], ибо имя означает сущность, а глагол — привходящее, ведь очевидно же, что привходящее второе относительно того, с чем вместе оно пришло, а еще и потому, что [имя] уничтожает [вместе с собой глагол]. Однако некоторые недоумевают, говоря, почему глагол, производящий совершенное одночастное предложение, как в случае “пишу”, не поставлен прежде имени, ибо если бы тебя пишущего спросили “что делаешь?”, и ты ответил бы “пишу”, ты выскажешь совершенное предложение. Говорим же, потому что так имя привносится как означающее сущности, от которой [исходит] действие, ведь местоимение означает видимую сущность, и согласно этому скорее имя получило первое место (Προτέτακται δὲ τοῦ ῥήματος φύσει τὸ ὄνομα· φύσει δὲ λέγω οὐχὶ αὐτῶν τῶν λέξεων· κατὰ τοῦτο γάρ μέρη ὄντα ἄκμα ἐστίν· ἀλλὰ τῶν πραγμάτων ὃν εἰσὶ κατηγορικά· τὸ γάρ ὄνομα οὐσίαν σημαίνει, τὸ δὲ ῥήμα συμβεβηκός· δῆλον δὲ ὅτι δεύτερον τὸ συμβεβηκός τοῦ ὃ συμβέβηκεν· ἔτι δὲ καὶ ὅτι συναναιρεῖ. Ἀποροῦσι δέ τινες λέγοντες, πῶς τὸ ῥήμα μονομερῆ λόγον ποιοῦν τέλειον, ὡς ἐν τῷ “γράφω”, οὐ προτάσσεται τοῦ ὄνόματος· εἰ γάρ τινι ἐρωτήσαντί σε γράφοντα “τί ποιεῖς;” ἀποκρίνοιο “γράφω”, τέλειον λόγον ἐρεῖς. Λέγομεν δέ, ὅτι καὶ οὕτω συνεισφέρεται ὄνομα τὸ σημαίνον τὴν οὐσίαν, ἀφ’ ἧς ἡ ἐνέργεια· ἡ ἀντωνυμία δὲ δήλην τὴν οὐσίαν σημαίνει, καὶ κατὰ τοῦτο μᾶλλον τὸ ὄνομα τὴν πρώτην εἰληφε τάξιν)» (Hilgard 1894, 376.34–377.8). Прежде всего, Харакс указывает на тех грамматиков, кто действительно придерживался точки зрения, что глагол первенствует по природе перед именем, поскольку глагол, в отличие от имени может составить одночастное совершенное, т.е. законченное, предложение. Важно, что он указывает на способ смыслового обоснования этого свойства глагола в качестве основания его первенства по природе: «по природе» для них как минимум означает конкретное предложение, произносимое в конкретной ситуации высказывания, в то время как первенство глагола вовсе не отсылает к какой-либо эмпирической всеобщности его использования таким образом или шире необязательность эксплицитно посредством имени или местоимения поименованного подлежащего в греческом предложении, а означает только способность глагола составлять такое конкретное высказывание, состоящее из одночастного совершенного предложения. На

⁴³ Критич. изд.: Hilgard 1894 (GG IV.2), 375–434 (Sophronii patriarchae Alexandrini excerpta ex Ioannis Characis commentariis in Theodosii Alexandrini Canones).

пример этих грамматиков Харакс отвечает тем, что просто указывает, что в качестве сущности имя легко замещается местоимением, что и делают сами эти грамматики, когда поясняют ситуацию естественного для греческого языка вопроса к пишущему «τί ποιεῖς;» и его столь же естественного ответа совершенным одночастным предложением «γράφω» при помощи эксплицитно используемых местоимений. Кроме того, он указывает и на то, что «по природе» в такой логике доказательства первенства имени или глагола касается именно слов, составляющих предложение, он же использует «по природе» в значении действительных вещей, и именно в этом смысле всякий глагол подразумевает действительную сущность, которая действует или претерпевает (конкретного пишущего человека, который действительно пишет), по отношению к которой глагол в предложении и действие или претерпевание, которое он означает, всегда является чем-то привходящим, следующим за тем, за чем оно пришло, и уничтожающимся вместе с ним (еще два аргумента, постоянно встречающиеся у византийских грамматиков).

Однако, видимо, правильнее будет понять объяснение Харакса не так, что имя предшествует по природе именно в общепринятом у грамматиков смысле. На грамматический смысл природного первенства он как раз указывает, говоря о том, что говорится, когда говорится только «в отношении самих по себе слов» в предложении. Его обоснование скорее исходит из философского приоритета сущности как действительной вещи, которая является субъектом действия или страдания, означаемых в высказывании. Это подтверждает и тот факт, что в схолиях к Дионисию нигде первенство по природе отчетливо не приписывается имени, но только доказывается его первенство перед глаголом, хотя к этому смыслу, возможно, и тяготеет уже процитированное выше высказывание из *Scholia Londinensia*: «дело, стало быть, занимает второе место, поскольку с лицом и через лицо оно по природе вместе и мыслится, и является (δεύτερον δὴ τὸ πρᾶγμα, ἀτε δὴ σὺν προσώπῳ καὶ διὰ προσώπων φύσει νοούμενον, ἄμα καὶ φαινόμενον)». Возможно также и то, что Харакс приводит лишь один, но самый главный аргумент сторонников мнения о первенстве глагола по природе, которые действительно были во времена Харакса. В конце концов, ни один из сохранившихся византийских грамматических текстов это мнение не поддерживает, и, видимо, следует полагать, что аргумент с этим значением τῇ φύσει, скорее, был образцовым примером в споре о первенстве частей речи в порядке состава предложения, подкреплявшим сохраненную в традиции позицию, которую следовало опровергнуть. При этом сама по себе формулировка первенства глагола по природе могла сочетаться и с другими аргументами, которые могли бы эту, требующую опровержения, позицию подкрепить и содержание которых теперь

можно только пытаться реконструировать на основе их лаконичных опровержений: так, в случае уже представленной апелляции к лицам глагола, различие которых как раз и позволяет понять предложения, в которых означающие подлежащее имена или местоимения отсутствуют, эта апелляция служит опровержением аргументации, которая, как можно предполагать из ответной формулировки, сводилась к наличию таких предложений без имен или местоимений, только мыслимых на месте подлежащего, включая, видимо, и одночастные предложения.

Описанную логику доказательства первенства имени перед глаголом в порядке предложения и изложения начал грамматики, основанную на установлении корреляции между, с одной стороны, именем и сущностью, и с другой — глаголом и делом, поддерживает комментатор из *Scholia Marciana*. Этот текст содержит еще одну, последнюю в схолиях к *Ars grammatica*, ссылку на концепцию о первенстве глагола по природе. Этот комментатор предлагает целую серию аргументов в пользу первенства имени и первым приводит аргумент, исходящий из широкого и общего определения имени, указывая, что имя предшествует глаголу «на разумном основании», т.е. логически (εὐλόγως), «так как от него всё получает имена, ибо невозможно, чтобы глагол стоял перед именем, потому что и все слова вообще [т.е. в том числе и глаголы] нарекаются тем же названием “имя” (ἐπεὶ ἐξ αὐτοῦ πάντα ὄνομάζεται· οὐ πιθανὸν γὰρ προτάττειν τοῦ ὄνοματος τὸ ρῆμα, ἐπειδὴ καὶ πᾶσαι λέξεις ἐπικοίνως τῇ αὐτοῦ προσγγορίᾳ ὄνόματα καλούνται)» (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 358.10–14). А далее он приводит в полной форме аргумент Гелиодора: «на разумном основании имя следует ставить прежде глагола, даже если по природе глагол поставлен и прежде (εὐλόγως τὸ ὄνομα τοῦ ρήματος προταχτέον, εἰ καὶ προτέταχται τῇ φύσει τὸ ρῆμα)», дело в том, что «имена согласно сущностям помещены [в предложение], а глаголы согласно делам, поскольку имя является сущность, а глагол — дело; главное же сущности дел; ибо несостоительно [слово] “философствовать” без того, кто это делает, и подобным же образом [несостоительно слово] “читать”, если не было бы читающего Сократа; стало быть, пусть имя находится впереди глагола, поскольку сущность находится впереди дела (τὰ μὲν ὄνόματα κατὰ οὐσιῶν τίθεται, τὰ δὲ ρήματα κατὰ πραγμάτων· τὸ γὰρ ὄνομα οὐσίας ἐστὶ δηλωτικόν, τὸ δὲ ρῆμα πράγματος· κυριώτεραι δὲ αἱ οὐσίαι τῶν πραγμάτων· ἀσύστατον γὰρ τὸ φιλοσοφεῖν δίχα τοῦ μετιόντος, ὅμοίως δὲ καὶ τὸ ἀναγινώσκειν, εἰ μὴ εἴη ὁ μετιών τὴν ἀνάγνωσιν Σωκράτης· προτερευέτω τοίνυν τὸ ὄνομα τοῦ ρήματος, ὅσον καὶ ἡ οὐσία προτερεύει τοῦ πράγματος)» (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 358.14–21). Здесь комментатор явно противопоставляет первенство глагола по природе и логическое первенство имени в теории, и в качестве примера приводит не предложение

с отсутствующим подлежащим именем или местоимением и не любое одночастное совершенное предложение, каковое может составить только глагол, а инфинитив. Возможно, этот пример отсылает к спору грамматиков и философов по поводу инфинитива. Так, Аммоний, ссылаясь на словоупотребление грамматиков, называющих слова типа «философствовать» или «ходить» инфинитивом, классифицирует их как имена, несмотря на то что они содержат указание на время, и приводит в пример определение того, что значит «философствовать», т.е. предложение, в котором это слово стоит на недоступном с философской точки зрения глаголу месте подлежащего: «Философствовать — значит быть полезным (*τὸ φιλοσοφεῖν ὡφελεῖσθαι ἐστιν*)»⁴⁴. Завершается рассуждение грамматиком аргументом⁴⁵.

Другой комментатор, текст которого сохранился в *Scholia Marciana*, вводит еще одну линию аргументации, которую мы уже встретили в рассуждении Иоанна Харакса, основанную на отождествлении *πρᾶγμα* и *συμβεβηκός*. Он встраивает доказательства первенства имени, которые имелись у предыдущего автора, в порядок определения значений имени. Первое значение имени широкое, и помимо его определения в порядке различия от глагола, это то, что говорится вообще о всяком слове, и в соответствии с тем, что означается, всякое значащее звучание называется именем (*καθ' ὁ σημαίνομενον πᾶσα φωνὴ σημαντικὴ ὄνομα λέγεται*) (*Schol. Marc.*: Hilgard 1901, 360.3–5). Далее, имя означает две вещи: тело и дело — «тело — такое, как сущность, дело — такое, как привходящее (*σῶμα μὲν, οἶον οὐσία, πρᾶγμα δέ, οἶον συμβεβηκός*)» (*Schol. Marc.*: Hilgard 1901, 360.5–6). Тело есть чувственно воспринимаемая сущность, а дело — только мыслимая сущность. Иными словами, этот комментатор указывает, что глагол, функция которого состоит в том, чтобы представлять действия и претерпевания, т.е. дела, сам есть продукт деления понятия имени (*Schol. Marc.*: Hilgard 1901, 360.6–13). Следовательно, в ответ на вопрос, почему же имя стоит перед глаголом, можно со всеми основаниями ответить: «Поэтому что имя обозначает сущность, а глагол обозначает привходящее, сущность же первое привходящего (*Ἐπειδὴ τὸ μὲν ὄνομα οὐσίαν σημαίνει, τὸ δὲ ρῆμα συμβεβηκός, προτέρα δὲ ἡ οὐσία τοῦ συμβεβηκότος*)» (*Schol. Marc.*: Hilgard 1901, 360.13–14). Немногим выше он уже резюмировал эту позицию, начав еще одним аргументом, который мы также уже встретили у Харакса: «Когда имя уничтожает [вместе с собой нечто], вместе с ним уничтожается глагол, потому-то и находится имя перед глаголом, как сущность и привходящее

⁴⁴ См.: Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 50.15–51.24.

⁴⁵ См.: *Schol. Marc.*: Hilgard 1901, 358.21–26.

(Ἐπειδὴ τὸ μὲν ὄνομα συναναιρεῖ, τὸ δὲ ῥῆμα συναναιρεῖται, διὰ τοῦτο καὶ προτερεύει τὸ ὄνομα τοῦ ῥήματος, ὡς οὐσία καὶ συμβεβηκός)» (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 359.21–23).

В целом линия аргументации, включающая два последних из приведенных выше аргументов, в полном виде, хотя и без пояснений на примерах, представлена во фрагменте, сохранившемся в *Scholia Londinensia*, который несколько проясняет смысл эксклюзивного по сравнению с другими частями предложения отношения имени и глагола с точки зрения грамматики: «[1] Имя же стоит прежде, потому что является означающим сущности, а глагол — привходящего, сущности же находятся впереди привходящих; [2] или потому что [если] имя уничтожает [вместе с собой нечто], вместе с ним уничтожается глагол, поскольку если сущность упразднена, вместе с ней уничтожаются и ее привходящие, [3] и поскольку имя привносится, глагол привносит [его вместе с собой], ведь привнесенные находятся впереди привносящих, [4] и поскольку имя завершает [или доводит до совершенства предложение], глагол завершается, ведь завершающие находятся впереди завершаемых (Τὸ δὲ ὄνομα προτέτακται, ἐπειδὴ οὐσίας ἐστὶ σημαντικόν, τὸ δὲ ῥῆμα συμβεβηκότος, αἱ δὲ οὐσίαι προτερεύουσι τῶν συμβεβηκότων. ἡ ἐπειδὴ τὸ μὲν ὄνομα συναναιρεῖ, τὸ δὲ ῥῆμα συναναιρεῖται. ἐὰν γὰρ ἀναιρεθῇ ἡ οὐσία, συναναιρεῖται καὶ τὰ αὐτὴ συμβεβηκότα. καὶ ὅτι τὸ μὲν ὄνομα συνεισφέρεται, τὸ δὲ ῥῆμα συνεισφέρει, τὰ δὲ συνεισφερόμενα προτερεύουσι τῶν συνεισφερόντων. καὶ ὅτι τὸ μὲν ὄνομα ἀποτελεῖ, τὸ δὲ ῥῆμα ἀποτελεῖται, τὰ δὲ ἀποτελοῦντα προτερεύουσι τῶν ἀποτελουμένων)» (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 521.13–20). Отношение имени как означающего сущности и глагола как означающего привходящего переформулируется в другом фрагменте уже с точки зрения отношений означивания между именем и глаголом: «Различается же означаемое от означающего, ибо имя означает, а дело означается [вместе с ним] (Διαφέρει δὲ τὸ σημαίνομενον τοῦ σημαίνοντος· σημαίνει μὲν γὰρ τὸ ὄνομα, σημαίνεται δὲ τὸ πρᾶγμα)» (Schol. Lond.: Hilgard 1901, 524.17–18). Иными словами, имя, означая дела, и как сущность — привходящее, привязывает действие к субъекту действия, распределяет действия и состояния дел по субъектам. Именно в этом смысле оно первично по отношению к глаголу, но без него не может составить законченное предложение, как и наоборот.

Во всех приведенных формулировках *συμβεβηκός*, очевидно, нельзя понимать непосредственно в философском смысле, представленном в неоплатоническом синтезе платоновской и перипатетической доктрины, но в том, который, вероятно, восходит к употреблению этого слова и его вариативных форм у стоиков⁴⁶. Это не сказываемое контингентным образом под девятью категориями привходящего, но действие или положение дел, согласованное

⁴⁶ См.: Мажуга 2011, 248–249.

с субъектом этого действия, или совершенный предикат, который наряду со своим субъектом является основой осмысленного предложения.

Однако некоторые из четырех кратко сформулированных в *Scholia Londinensis* аргументов, которые суммируют приведенную выше в цитатах из других мест схолий к Дионисию, из Псевдо-Феодосия и Иоанна Харакса аргументацию в пользу первенства имени перед глаголом, очевидно, прошли обработку школьным философским знанием имперской эпохи, или даже, возможно, появились в дискуссиях этого времени. Об этом говорят формулировки, которые дает трем первым из них (прежде всего второму и третьему) Георгий Хиробоск. Первый из этих аргументов он подкрепляет примером: имя ставится перед глаголом, поскольку означает сущность, а глагол — привходящее, как и в случае с Сократом (и именем, и самим субъектом действия), который предшествует глаголам «писать» и «поражать», тому, что он пишет, и тому, что поражает (*καὶ γὰρ ὁ Σωκράτης προτερεύει τοῦ γράφειν αὐτὸν καὶ τοῦ τύπτειν*) (Hilgard 1894, 2.22–29). Во втором аргументе обосновывающее первенство имени утверждение о том, что «[если] имя уничтожает [вместе с собой нечто], вместе с ним уничтожается глагол (*τὸ μὲν ὄνομα συναναιρεῖ, τὸ δὲ ρῆμα συναναιρεῖται*)», вначале подтверждается тем же примером: вместе с упразднением Сократа уничтожается и то, что он пишет, и то, что он поражает. Однако далее следует другой: «растение как всеобщее предшествует маслине, поскольку при упразднении растения вместе с ним уничтожается и маслина: ведь если нет растения как всеобщего, нет и маслины. А при упразднении маслины не упраздняется растение как всеобщее, ибо не только маслина — растение, но и виноградная лоза, и смоковница, и некие другие (*τὸ καθόλου φυτὸν προτερεύει τῆς ἐλαίας, ἐπειδὴ ἀναιρουμένου τοῦ φυτοῦ συναναιρεῖται καὶ ἡ ἐλαία, μὴ δύτος γὰρ καθόλου φυτοῦ οὔτε ἡ ἐλαία ἔστιν, τῆς δὲ ἐλαίας ἀναιρουμένης οὐκ ἀναιρεῖται τὸ καθόλου φυτόν, οὐ γὰρ μόνη ἡ ἐλαία φυτόν, ἀλλὰ καὶ ἄμπελος καὶ συκῆ καὶ ἄλλα τινά*)». Из этого Хиробоск делает вывод, опять же приводя тот же пример с Сократом, что вместе с упразднением сущности уничтожаются ее привходящие, но не наоборот, поскольку вместе с упразднением привходящих сущность не уничтожается, ведь Сократ может прибывать в покое, а не писать или поражать (Hilgard 1894, 2.19–3.6). В третьем аргументе два эти примера аналогичным образом применяются к обосновывающему первенство имени тезису, формулировка которого, как и предыдущего, полностью совпадает в *Scholia Londinensis* и у Хиробоска, «поскольку имя привносится, глагол привносит [его вместе с собой], ведь привнесенные находятся перед привносящими (*ὅτι τὸ μὲν ὄνομα συνεισφέρεται, τὸ δὲ ρῆμα συνεισφέρει, τὰ δὲ συνεισφερόμενα προτερεύουσι τῶν συνεισφερόντων*)»: так, если кто-то скажет «поражает» или «пишет», он обязательно привносит и сущность, а если кто-

то скажет «маслина», он обязательно привносит и растение, поскольку маслина — растение, однако, если кто-то скажет «растение», он не обязательно привносит маслину, ибо не только маслина — растение, но и виноградная лоза, и смоковница, и некие другие. Хиробоск поясняет, что здесь τὸ συνεισφέρεται нужно понимать вместо (или наравне) с «мыслить вместе» (или «подразумевать») (ἀντὶ τοῦ συννοεῖται) (Hilgard 1894, 3.6–15)⁴⁷.

Словарь, используемый при построении этих двух аргументов, полностью совпадает со словарем, широко распространенным в школьной философии в сходных контекстах: сущность привносится (подразумевается) привходящими (или другими по отношению к сущности категориями), но не привносит их, сущность уничтожает вместе с собой привходящие (или другие категории), но не уничтожается с их уничтожением, упразднение сущности ведет к упразднению привходящих, но не наоборот, — и то же самое относится к отношениям рода и его видов, — поэтому сущность и род первичны по природе по отношению к привходящим и видам, соответственно⁴⁸. Исходным топосом здесь является объяснение представленного в «Категориях» понимания Аристотелем значений, в которых сказывается предшествующее относительно последующего, в том числе и значение предшествования по природе. Так, Аммоний и Филопон поясняют это значение на примере рода и вида, подобном второму примеру Хиробоска: предшествующее по природе — это (1) то, уничтожение чего, вместе с ним уничтожает и другое, но которое не уничтожается вместе с этим другим, и также (2) то, что привносится другим, но не привносит другое (τὸ δὲ φύσει πρότερον ἔστι τὸ συναναγροῦν μὲν μὴ συναναγρούμενον δὲ καὶ τὸ συνεισφερόμενον μὲν μὴ συνεισφέρον δέ), как в случае «животного» и «человека» (рода и вида), поскольку уничтожение «животного» влечет уничтожение «человека», но не наоборот, а понятие и бытие «человека» привносит с собой понятие и бытие «животного», но не наоборот⁴⁹.

Примечательно то, что Хиробоск здесь смешивает примеры, подобные которым в философском школьном языке относятся к взаимосвязи сущности и привходящего и взаимосвязи родов и видов (растение и его частные виды), и не заботится о противоречии, в которое впадает: сами по себе в отношении собственного рода маслина, виноградная лоза и смоковница не могут быть

⁴⁷ Ср. почти дословное повторение Хиробоском первого и второго аргументов в другом месте: Hilgard 1889, 105.2–19.

⁴⁸ См., например, параллельные места у Аммония и Иоанна Филопона: Ammon. *in Cat.*: Busse 1895, 35.12–18, 40.23–41.11, 74.19–25, 103.8–18; Philop. *in Cat.*: Busse 1887, 49.8–16, 58.7–59.2, 118.2–29.

⁴⁹ Ammon. *in Cat.*: Busse 1895, 74.19–21, 103.13–17; Philop. *in Cat.*: Busse 1887, 118.2–4, 192.14–17 (с использованием другой лексики).

привходящим и делом, как и растение. Верным остается только один смысл: маслина, виноградная лоза, смоковница, как и человек, не являются глаголом и сказуемым, поскольку первые, будучи видами и сущностями, не предицируются растению как сущности и роду, а последний — животному. Но в примере Хиробоска они уподобляются глаголу.

Третий аргумент из *Scholia Londinensia* и текста Хиробоска, как полагает Иеродиакону, позволяет реконструировать смысл аргумента тех грамматиков, которые отстаивали первенство и большее совершенство глагола по отношению к имени (Ierodiakonou 2002, 170–172). Дело в том, что позицию о большем совершенстве глагола в противоположность философской традиции высказывает Михаил Пселл в своем парадигме на «Об истолковании» и даже утверждает, что глагол, в отличие от имени, которое указывает только на существующую вещь, указывает вместе с существующей вещью также и на отношение (*τὸ μὲν ὄνομα ὑπάρξιν δηλοῖ μόνην, τὸ δὲ ῥῆμα μετὰ τῆς ὑπάρξεως καὶ ἀναφοράν*), т.е. на то, что относится к вещи. Более того, будучи высказанным отдельно, он сам принимает функцию имени, поскольку в этом случае обозначает существующую вещь⁵⁰. В целом Пселл не противоречит Аристотелю и традиции, поскольку философский анализ располагается сразу на уровне связки имени и глагола, но такая отсылка к грамматическому спору действительно оригинальна, так что Иеродиакону, опираясь в основном на третий аргумент Хиробоска, полагает, что Пселл воспроизводит позицию анонимных грамматиков, согласно которой глагол более совершенен, чем имя, именно потому, что глагол заставляет нас вместе с собой думать об имени, тогда как имя не заставляет нас думать вместе с собой о глаголе. Иными словами, эти грамматики использовали тот же самый аргумент, что и Хиробоск, в противоположном смысле.

Пселл не упоминает первенства глагола по природе, как и Хиробоск, хотя у последнего, возможно, имеется намек на общее направление источника всей дискуссии. Он утверждает, что все другие части предложения были изобретены для нужды имени и глагола (*τὰ γὰρ ὅλα μέρη τοῦ λόγου εἰς χρείαν τοῦ ὄνοματος καὶ τοῦ ῥήματος ἐπενοήθησαν*), как для нужды василевса были изобретены архонты, или же одежда для нужды того, кому она нужна, и они, будучи производными, не могут иметь первенство в порядке (Hilgard 1889, 104.34–105.2). Здесь мы сталкиваемся с проблемой порядка изобретения мудрыми мужами частей предложения, которое должно было отражать природу

⁵⁰ Цитата у Иеродиакону: Ierodiakonou 2002, 172, n. 70.

вещей, означаемую соответствующими им словами, т.е. с восходящей еще как минимум к «Кратилу» Платона задачей и грамматики, и философии⁵¹.

ж) Первенство имени и глагола среди частей предложения

В собственно грамматическом смысле первенство связки имени и глагола среди других частей предложения неоспоримо. Как указывает комментатор из Scholia Vaticana: «В свою очередь, имя и глагол разумно стоят прежде других частей [предложения], ибо две эти [части], имя и глагол, являются главными и истинными частями предложения. Эти [части], в самом деле друг с другом сочетающиеся, производят совершенное [или: законченное] и безупречное предложение, такое, как “Сократ ходит”, тогда как все другие задуманы для совершенного [или: законченного] состава [т.е. синтаксического устройства исходной смысловой структуры предложения, формируемой сочетанием имени и глагола]. Потому они и носят не особые имена, но [такие, что они взяты] как [производные] от их функции [в предложении] (Τὸ δὲ ὄνομα) καὶ (τὸ ρῆμα προτέτακται) τῶν ἄλλων μερῶν εὐλόγως· κύρια γάρ καὶ γνησιώτατα μέρη τοῦ λόγου τὰ δύο ταῦτα, τό γε ὄνομα καὶ τὸ ρῆμα· ταῦτα γάρ ἀλλήλοις συμπλακέντα τέλειον λόγον καὶ ἀνελλιπή ἀπεργάζεται, οἷον «Σωκράτης περιπατεῖ», πάντα δὲ τὰ ἄλλα πρὸς τὴν τελείαν σύνταξιν ἐπινενόηται· οὐδὲ γάρ ιδικοῖς δύναμασι κέχρηνται, ἀλλ’ ὡς ἀπὸ τῆς χρείας» (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 216.13–18)⁵². Причастие (μετοχὴ) именуется по его участию (διὰ τὸ μετέχειν) в особом свойстве (τῆς ιδιότητος) имени и особом свойстве глагола, а также по его бытию между (μεταξὺ) именем и глаголом; artikel (ἄρθρον), означающий член тела или сустав, по его соединению со склоняемыми по падежам (διὰ τὸ συναρτᾶσθαι

⁵¹ См. статью Анели Лухтала, в которой она рассматривает «Синтаксис» Аполлония Дискола с привлечением текстов Присциана с точки зрения реализации такого проекта демонстрации генезиса частей предложения на основе взаимосвязи элементов их происхождения по природе и человеческого изобретения, стремящегося ей следовать: Luhtala 2011.

⁵² Ср., например: «имя и глагол являются главными частями предложения, поскольку они, будто тело и душа, позволяют другим [частям предложения] исходить из них и проявляться (τὰ κυριώτατα τῶν μερῶν τοῦ λόγου τό τε ὄνομα καὶ τὸ ρῆμα ἐστιν ἐπεδὴ ταῦτα ὥσπερ σῶμα καὶ ψυχὴ ὅντα ποιεῖ τὰ ἄλλα ἐξ αὐτῶν προιέναι τε καὶ φαίνεσθαι)» (Comment. Heliodor.: Hilgard 1901, 71.3–5) (ср.: Schol. Lond.: Hilgard 1901, 524.9–13); «Следует знать, что имя и глагол предшествуют остальным словам потому, что помимо них никогда не составляется предложение (Ἴστέον ὅτι τὸ ὄνομα καὶ τὸ ρῆμα προτερεύει τῶν λοιπῶν λέξεων ἐκ τοῦ μηδέποτε λόγον δίχα τούτων συγκεῖσθαι)» (Schol. Marc.: Hilgard 1901, 357.27–28).

πτωτικοῖς) словами, т.е. по связаннысти с ними (*τοιτέστι συνδεσμεῖσθαι*); местоимение (*ἀντωνυμία*) по его использованию вместо (*ἀντὶ*) имени; предлог (*πρόθεσις*) по его постановке перед (*διὰ τὸ προτίθεσθαι*) именем и глаголом; наречие (*ἐπίρρημα*) по его приведению в связь с глаголом (или бытию при глаголе — *ἐπὶ φήματα*) (*διὰ τὸ ἐπὶ φήματα φέρεσθαι*); союз (*σύνδεσμος*) же именуется так, поскольку он связывает вместе (*ἐπειδὴ συνδεσμεύει*) члены предложения (Schol. Vat.: Hilgard 1901, 216.18–24)⁵³.

4. Философское понятие о φωνή, ὄνομα, φήμα, λόγος и λέξις

а) Философские φωνή, ὄνομα, φήμα и утвердительное предложение

Теперь, возвращаясь к «Об истолковании» Аристотеля и к его толкованию Аммонием, можно сказать, что и грамматики, и философы, по разному понимая φωνή (первые — широко, вторые — сводя это понятие в логике до простого звучащего слова), одинаково особо выделяют связку имени и глагола, как двух главных φωνή, в качестве структурообразующего основания всякого предложения, без которой оно не может состояться и к которой может сводиться. Однако, в отличие от грамматиков, Аммоний указывает, что Аристотель занимается в «Об истолковании» не любой φωνή, но только именами и глаголами, не просто поскольку только их сочетание в речи дает завершенное понятие о высказываемом, но, прежде всего, поскольку такие сочетания имени и глагола выражают утверждение или отрицание, т.е. высказывают истину или обнаруживают ложь относительно того, что мыслится в высказываемом. Аристотель не говорит в своем сочинении обо всех частях предложения и обо всем, что говорится и записывается, как думали некоторые ученики Аммония, исходя из понятий грамматики. Соответственно, речь у него вовсе не идет о всяком предложении. Цель Аристотеля в логических сочинениях прояснить, что такое доказательство, и в соответствии с ней в «Категориях» он говорит о простых звучаниях, т.е. произносимых словах (*περὶ τῶν ἀπλῶν φωνῶν*), а в «Об истолковании» ставит задачу представить простые предложения (*τοὺς ἀπλοὺς λόγους*), которые составлены из переплетения простых звучаний, и которые, поскольку они предлагаются желающими нечто доказать своим собеседникам, называются пропозициями (силлогизмами) (*προτάσεις*) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 1.21–2.9). Однако из пяти видов простых

⁵³ Cp.: Schol. Marc.: Hilgard 1901, 357.36–358.9 (почти дословно тождественный текст). См. также: Schol. Vat.: Hilgard 1901, 215.26–216.7 (этот текст был включен также в Scholia Marciana и Scholia Londinensia).

предложений, оставляя в стороне звательные, повелительные, вопросительные и желательные, он рассматривает только $\lambda\delta\gamma\sigma\alpha\pi\delta\alpha\tau\eta\kappa\sigma$ (высказывающее или утвердительное предложение) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 2.9–25), или иначе, $\alpha\pi\delta\alpha\tau\eta\kappa\sigma$ (высказывание, утверждение), т.е. исключительно предикативное предложение ($\lambda\delta\gamma\sigma\alpha\pi\delta\alpha\tau\eta\kappa\sigma$ $\chi\alpha\tau\eta\gamma\sigma\pi\kappa\sigma$), которое содержит в себе истину или ложь и, соответственно, в логическом смысле может быть посылкой или выводом в силлогизме. В этом смысле имена и глаголы в таком предложении выражают только то, о чем в нем говорится (имя), и то, что говорится об этой вещи (глагол), а именно: подлежащее и сказуемое о нем (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 7.15–8.22). Уже из этого ясно, что для Аристотеля, перипатетиков и философов неоплатоников его деление элементарных грамматических понятий не было собственно грамматическим, поскольку выражало форму логической предикатии, так что имя в этом порядке означало подлежащее высказывания, а глагол — все сказуемое, даже если на месте глагола, т.е. в высказывании, которое в силлогизме становится пропозицией, находятся другие части предложения.

б) Грамматические части предложения и логическая связка имени и глагола в утвердительном предложении и речи

Из всего, что грамматики называют частями предложения ($\tau\delta\delta\lambda\delta\gamma\sigma\alpha\pi\delta\alpha\tau\eta\kappa\sigma$ $\mu\epsilon\pi\delta\alpha\tau\eta\kappa\sigma$), Аристотель берет имя и глагол, поскольку они не нуждаются в других, чтобы составить утвердительное предложение (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 11.1–7). При этом из восьми частей предложения грамматиков только некоторые в предикативном смысле являются означающими природы или лиц, действий и претерпеваний, или их сочетаний, а именно: местоимения, имена, глаголы и причастия. Их вполне достаточно, чтобы сформулировать утвердительное предложение. Остальные части речи не обозначают подлежащее и сказуемое, — только некоторые наречия так или иначе проясняют их связь, например, в отношении времени, места, порядка, принадлежности всем или некоторым и т.д., — в то время как другие полезны для остальных видов предложений, — в свою очередь, artikel, предлог и союз сами по себе вовсе не имеют значения (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 11.8–12.15). Те из выбранных четырех, которые произносятся без времени (имя и местоимение), имеют функцию подлежащего (хотя имя посредством глагола-связки «есть» может быть и на месте глагола), а те, что произносятся со временем (глагол и причастие), являются глаголами. Сочетание лица с действием и претерпеванием в формулировках Аммония указывает на способность причастия (как и

имени в грамматическом смысле) оказаться как на месте имени (подлежащего), так и глагола (сказуемого). Все остальные части предложения, даже те, что проясняют связь подлежащего и сказуемого (часть наречий), частями предложения в собственном смысле не являются (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 12.16–13.6)⁵⁴. С точки зрения философии, в отличие от словоупотребления грамматиков, части предложения в грамматическом смысле — это части фразы (законченного по смыслу высказывания) ($\lambdaέξις μέρη$), хотя, как мы видели, у грамматиков $\lambdaέξις$ технически означает «слово». Со ссылкой на известный пассаж из «Государства» Платона (*Plat. Resp.* 3, 392C), Аммоний поясняет, что грамматически предложения являются частями $\lambdaέξις$, и если первые состоят в основном из звучащих слов, обозначающих вещи, то $\lambdaέξις$ состоит вообще из всех звучащих слов, и в нем части предложения используются в более широком, т.е. грамматическом, смысле «стиля, стремящегося к красоте и сразу к особенному составу [частей фразы]» ($τῆς πρὸς κάλλος ἥδη καὶ ποιὰν σύνταξιν ἀποβλεπούσης ἐρμηνείας$) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 13.7–18)⁵⁵. Далее, воспроизведя уже рассмотренное нами грамматическое объяснение первенства имени и глагола в отношении остальных частей предложения их функциональной зависимостью от связи имени и глагола, Аммоний отмечает, что и Аристотель иногда высказывался в согласии с более общим значением понятия о частях предложения, которое включает их все, т.е. так, как это делают грамматики (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 14.18–15.13).

в) Утверждение и отрицание как виды утвердительного предложения: $\varphiωνή$ как материя речи

Само по себе утвердительное предложение или $\grave{\alpha}\piόφανσις$ (которое мы будем переводить как высказывание, чтобы не путать с $\kappa\alpha\tauάφασις$) делится на утверждение ($\kappa\alpha\tauάφασις$) и отрицание ($\grave{\alpha}\piόφασις$), и это конечное деление

⁵⁴ Комментатор из *Scholia Londinensis* спорит с этим положением и не считает приоритет имени и глагола основанием для вывода перипатетиков о том, что поскольку не может быть предложения без имени и глагола, но может быть предложение без любой из других частей, то только имя и глагол являются частями предложения. Дело в том, что некоторые части важны, а другие нет, ведь и человек может существовать без руки или ноги, но не может без мозга или сердца (*Schol. Lond.*: Hilgard 1901, 516.28–36).

⁵⁵ В неоплатоническойcommentatorской традиции в итоге слово $\lambdaέξις$ утверждалось в качестве технического обозначения законченной по смыслу фразы или изречения, на которые разбивается комментируемый текст. См.: Scholten 1996, 20–25; Fladerer 1999, 227–256.

предложения, которое, вслед за Порфирием, Аммоний понимает как деление рода на виды (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 15.16–30). Соответственно у него, наконец, появляются основания для ответа на вопрос о природе *φωνή*, поскольку, если предложение является общим родом для его пяти видов, а один из них — утвердительное предложение — как род делится на два последних вида, а именно утверждение и отрицание, и, соответственно, мы имеем всю цепь родов и видов в целом, кроме первого рода, от которого зависит полная ясность относительно всех его подразделений, в определение которых он входит первым, то возникает вопрос, почему Аристотель не упоминает о том, что род предложения (или скорее речи) (*τὸ τοῦ λόγου γένος*), т.е. *φωνή*, также требует объяснения посредством определения (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 15.31–16.15). В данном месте, в силу двойственности *φωνή*, Аммоний употребляет *λόγος*, скорее, в значении речи вообще. Исследователи природы обсуждали *φωνή* как продукт природы, как и зрение и слух, поскольку *φωνή* дано людям от природы. В этом смысле речь, высказывание, утверждение и отрицание являются *φωνή*, но при этом «будучи сформированными [или: видообразованными] нашим пониманием и произносимыми так-то и так-то (*τὸ ἀπὸ τῆς ἡμετέρας ἐννοίας εἰδοποιεῖσθαι καὶ τοίως ἡ τοίως προφέρεσθαι*)», т.е. различным образом в силу обработки понятием. Поэтому *φωνή* является предметом логики, но никак не физики, и потому есть не просто род речи, как некоторые (возможно, Аммоний имел в виду грамматиков) полагают. Простое звучание, т.е. слово, как предмет логики, есть не род речи, а род *φωνή* в речи (*τῆς κατὰ τὸν λόγον φωνῆς*), поскольку в отношении речи *φωνή* является материей, а не формой, и собственным родом для речи, как об этом говорит Аристотель в «Категориях»⁵⁶, является количество (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 16.15–30).

Таким образом, с точки зрения Аристотеля в интерпретации Аммония, простые звучания или произносимые человеком слова, являются символами или знаками (*σύμβολα καὶ σημεῖα*) простых мыслей, которые, в свою очередь, являются подобиями простых вещей или их образами в душе (слово Сократ, мысль о Сократе и сам Сократ). Соответственно, сложное звучание (*φωνὴ σύνθετος*) будет символом сложной мысли, а последняя сложной вещи (произнесение высказывания «Сократ бежит», мысль о бегущем Сократе и сам бегущий Сократ) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 20.33–21.4). Подобие (*όμοίωμα*) отличается от символа сходством с вещью, которую оно стремится отобразить насколько возможно, в то время как символы или знаки устанавливаются

⁵⁶ Речь есть количество, поскольку измеряется кратким и долгим слогами, причем Аристотель уточняет, что имеет в виду произносимую звучащую речь (Arist. *Cat.* 6, 4b32–37).

людьми произвольно (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 20.1–31). Поскольку сложения, т.е. сложные мысли и сложные звучания, составляются только из собрания простых (ἐκ τῆς τῶν ἀπλῶν συνδρομῆς), то истина и ложь как то, что появляется только в утверждении и отрицании, не даны в простых, но существуют только в отношении сложных мыслей и звучаний, причем в логическом смысле в отношении даже сложных вещей не может быть никакой истины или лжи, поскольку логическая истина, как и ложь, проявляется только в отношении сложных мыслей и звучаний к вещам (πράγματα) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 21.4–10)⁵⁷.

Далее Аммоний поясняет, что сами по себе звучания не могут быть символами ни простых, ни сложных мыслей, и сложное звучание представляет собой сочетание имени и глагола, каковые и есть символы сложных мыслей, допускающих истину и ложь. По его словам, Аристотель не говорит, что звучания есть символы претерпеваний в душе, т.е. мыслей, но говорит: "Ἐστι ... οὖν τὰ ἐν τῇ φωνῇ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ παθημάτων σύμβολα («те, что в звучании [т.е. произносимом слове], есть символы претерпеваний в душе»). Имя и глагол, а также предложение, которое из них состоит, явлены трояко: в душе — в простых мыслях и во внутренней речи, т.е. в сложных мыслях, в действительном произношении и на письме. Таким образом имена и глаголы даны как мыслимые, как произносимые символы мыслимого, и как записанные символы произносимого (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 22.3–21). В другом смысле, который уточняет первый, Аристотель говорит так, поскольку произнесение звуков (τὸ φωνεῦν) дано нам от природы, а имена и глаголы изобретаются нами и используют φωνή как материю. Как куски дерева соединяются вместе

⁵⁷ В соответствии с Аммонием и Аристотелем, значащие (семантические) выражения непосредственно обозначают мысли (*νοήματα*) и, через них, *πράγματα*. Однако, согласно неоплатонической метафизике, *πράγμα* соответствует сфере божественного (*θεόθεν*), мысль — умопостигаемому (*νόερον*), а звучания голоса — образам в душе. В этом исследовании мы ограничиваемся анализом позднеантичной и византийской философской теории языка и ее терминологического инструментария только в ее отношении к теории и терминологии современной ей грамматики. Поэтому мы оставляем за пределами обсуждения онтологический и эпистемологический планы теории языка, представленной в комментарии Аммония, т.е. проблемы взаимосвязи конвенционального и природного элементов в генезисе языка, природы символа в интерпретации Аммония, соотношения проблемного поля «Об истолковании» Аристотеля и «Кратила» Платона в их неоплатоническом толковании Аммонием, применительно к первому, и Проклom, ко второму, и т.д. Об этом см. синтезирующий все эти тематические планы анализ Флдерера: Fladerer 1999, 69–122 (там же можно найти литературу по данному вопросу).

г) Мысль и *φωνή*: философская конструкция утвердительного предложения

То, что никакая простая мысль не принимает ни истины, ни лжи, ясно из индукции. Образующий в себе мысль о Сократе, не мыслит ничего истинного или ложного, если к мыслимому не добавлено хождение, чтение или бытие, ведь эта мысль окажется истинной только, если в этот момент вещи случится быть в том состоянии, в котором ее представляет примышление, т.е. образующая мысли способность ($\epsilon\pi\nuoi\alpha$). Но если вещь находится в другом состоянии, а душа представляет противолежащее ($\alpha\pi\tau i\chi e\mu\nu o\nu$), и Сократ в этот момент не ходит, хотя мы представляем его идущим, то она необходимо является ложной. Соответственно, и то, что в звучании ($\tau\alpha\ k\alpha\tau\alpha\ t\chi\mu\ \varphi\omega\eta\mu\eta\mu$), также подобно этому, ведь сколько раз не произнеси имя Сократа, не скажешь ничего ни истинного, ни ложного. Однако составивший вместе имя и глагол и сказавший «Сократ ходит», сказал либо истину, либо ложь. И отрицающий «хождение» Сократа и говорящий «Сократ не ходит» тоже произнес предложение, которое принимает истину или ложь. Таким образом, истина и ложь имеются только в утвердительных предложениях, когда относительно подлежащего нечто утверждается или отрицается. В случае всех других видов

предложения имя и глагол также составляются вместе, но не содержат истины или лжи. При этом утверждение и отрицание, или иначе сложение и разделение посредством отрицательной частицы, должны иметь характер присущности, т.е. должны выявлять, что одно другому присуще или не присуще (ὑπάρχειν ή μὴ ὑπάρχειν) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 26.23–27.14).

Однако даже применительно к утвердительному предложению не всякое сочетание имени и глагола создает завершенное (τέλειον), т.е. истинное или ложное, предложение (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 27.14–16). Имя в логическом смысле как подлежащее должно быть в номинативе, все косвенные падежи имен в качестве имени Аристотелем и Аммонием не классифицируются. Другие варианты предложений, которые выглядят как утвердительные, будут таковыми, если могут быть приведены в соответствие с предикативной формой завершенного утвердительного предложения. Так же и глагол, основным свойством которого в дополнение к свойству означивания действия и претерпевания, а также тому, что он всегда сказывается о подлежащем⁵⁸, но не может им быть, является указание на время, логически берется Аристотелем в трех смыслах: 1) грамматического глагола в широком смысле, включающем как глаголы в настоящем времени, так и неопределенные глаголы и падежи глагола (τὰ ἀόριστα ρήματα καὶ αἱ πτώσεις τοῦ ρήματος), т.е. словоизменение глагола в настоящем времени в формы прошедшего и будущего времени; 2) грамматического глагола в собственном смысле, т.е. в настоящем времени; и 3) глагола в чисто логическом, т.е. предикативном, смысле, включающем как грамматические глаголы, так и имена, и причастия, присоединяемые к подлежащему при помощи глагольной связки «есть» (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 52.17–53.30). Что касается грамматически однотипных предложений, состоящих в греческом языке из одного глагола, то в первом и втором лице все они подразумевают определенное подлежащее и в настоящем времени составляют утвердительное предложение, а в третьем лице — составляют утвердительное предложение только если не являются безличными и подразумевают определенное подлежащее (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 28.11–29.11). Все эти и другие особенности утвердительного предложения и его грамматического состава Аммоний подробно разъясняет в комментарии на последние строки 1 главы и 2–5 главы «Об истолковании».

⁵⁸ Как уже упоминалось выше, особый случай представляет для Аммония инфинитив, который он, хотя инфинитив и указывает на время и потому классифицируется грамматиками как глагол, склонен относить к именам, ведь он принимает artikel и может быть подлежащим, а как сказуемое добавляется к подлежащему посредством глагола «есть» (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 50.15–51.24).

5. Заключение: речь и истина

В комментарии к 6 главе Аммоний вслед за Аристотелем формулирует логический принцип исключенного третьего применительно к утверждению и отрицанию как единственным видам высказывания, а именно, показывает, что утверждение и отрицание всегда разделяют истинное и ложное так, что одно из них ложно, а другое истинно, и наоборот. Всегда истинному утверждению в отношении вещи, а именно, что ей, как подлежащему в утверждении, присуще сказуемое (предикат), противолежит ложное отрицание того, что оно ей не присуще; а ложному утверждению в отношении вещи, а именно, что ей, как подлежащему в утверждении, присуще это сказуемое (предикат), противолежит истинное отрицание того, что ей оно не присуще. Только соответствие природе вещи делает наше утверждение или отрицание истинным (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 81.13–83.2). Этот спор ($\mu\alpha\chi\eta\nu$) утверждения и отрицания, которые противолежат друг другу по своей истинности и ложности, Аристотель называет противоречием ($\phi\mu\tau\iota\phi\alpha\sigma\iota\nu$) (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 83.3–8). Однако это определение противоречия еще не точно, и потому он его дополняет, указывая, что противолежащими будут только те утверждение и отрицание, которые производят сказывание одного и то же сказуемого об одном и том же подлежащем, в чем и состоит противоречие (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 83.22–84.25). Кроме того, недостаточно, чтобы подлежащий термин в обоих пропозициях был тем же самым только по слову ($\chi\alpha\tau\alpha\mu\o\eta\nu$ $\tau\eta\nu\lambda\acute{e}\zeta\nu$), и тем же самым сказуемый термин также, т.е. они не могут быть омонимами. В противном случае и утверждение, и отрицание, каждое в отдельности, будет равным образом и истинным, и ложным, т.е. они не будут противоречить друг другу, поскольку под одним словом в подлежащем либо сказуемом будут мыслиться разные вещи. Помимо этого, термины в обоих пропозициях должны быть взяты в одном и том же отношении под любой из категорий (в отношении к одной вещи, а не разным, по времени, месту, качеству и т.д.), а также в отношении модальности, т.е. в каждой из пропозиций либо в действительности, либо в возможности (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 84.26–85.27).

Хотя, как говорит Аммоний, троп, содержащий омонимию, только один из тринадцати софистических тропов, которые обсуждает Аристотель в «О софистических опровержениях» (Ammon. *in Int.*: Busse 1897, 85.28–86.7), можно сказать, что этот троп важнейший. С ним сталкивается и философ, и грамматик, поскольку они оба пытаются справиться с омонимией. Философу необ-

ходимо не допустить омонимии в терминах пропозиций, чтобы точно их противополагать, что необходимо для правильного построения доказательных силлогизмов. Для грамматика выявление омонимии и разведение омонимичных значений слов — это важнейшая задача не только при создании лексиконов, но и непосредственно в ходе работы над поэтическими и прозаическими текстами, над их исправлением, экзегезой и критикой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Dion. Thrax *Ars gramm.* — Dionysius Thrax. *Ars grammatica* (Uhlig 1883).
 Comment. Melamp. — Scholia in Dionysii Thracis Artem grammaticam. *Commentarius Melampodis seu Diomedis* (Hilgard 1901, 10–67).
 Comment. Heliodor. — Scholia in Dionysii Thracis Artem grammaticam. *Commentarius Heliodori* (Hilgard 1901, 67–106).
 Schol. Vat. — Scholia in Dionysii Thracis Artem grammaticam. *Scholia Vaticana* (Hilgard 1901, 106–292).
 Schol. Marc. — Scholia in Dionysii Thracis Artem grammaticam. *Scholia Marciana* (Hilgard 1901, 292–442).
 Schol. Lond. — Scholia in Dionysii Thracis Artem grammaticam. *Scholia Londinensis* (Hilgard 1901, 442–565).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Balcoyannopoulou Ir., ed. (2018) “In Aristotelis ‘De Interpretatione’ cum continuatione auctoris scholastici hactenus ignoti; versio Georgii Scholarii”. *Μπαλκογιαννοπούλου Ετ. Το διδακτικό εγχειρίδιο λογικής του Γεωργίου Σχολαρίου: δομή, πηγές και καινοτομίες* [Balcoyannopoulou Ir. *George Scholarios logical handbook: structure, sources, and innovative aspects*]. Πάτρα: Πανεπιστήμιο Πατρών, 5–159.
 Bekker Imm., ed. (1831) *Aristoteles Graece*, ed. Academia Regia Borussica. 2 vols. Berolini: Apud Georgium Reimerum.
 Blank D. (2014) *Ammonius. On Aristotle On Interpretation 1–8*. Translation, introduction and notes. London; New York: Bloomsbury.
 Busse, A., ed. (1887) *Philoponi (olim Ammonii) In Aristotelis Categorias commentarium*. Berlin: Reimer (CAG, XIII.1).
 Busse, A., ed. (1895) *Ammonius in Aristotelis categorias commentaries*. Berlin: Reimer (CAG, IV.4).
 Busse, A., ed. (1897) *Ammonius in Aristotelis De interpretatione commentarius*. Berlin: Reimer (CAG, IV.5).
 Di Benedetto V. (1958–1959) “Dionisio Trace e la Techne a lui attribuita”. *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa (Serie II)* 27 (1958), 169–210; 28 (1959), 87–118.

- Di Benedetto V. (1973) "La Techne spuria". *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa (Serie III)* 3, 797–814.
- Di Benedetto V. (1990) "At the origins of Greek grammar". *Glotta* 68, 19–39.
- Di Benedetto V. (2000) "Dionysius Thrax and the Tékhne grammatiské". *History of the Language Sciences. An International Handbook on the Evolution of the Study of Language from Beginnings to the Presenteds*. Ed. by S. Auroux, E. F. K. Koerner, H.-J. Niederehe, K. Versteegh. Vol. I.1.1. Berlin; New York: Walter de Gruyter & Co., 394–400.
- Dickey E. (2007) *Ancient Greek scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from Their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Ebbesen S. (1990) "Porphyry's Legacy to Logic: A Reconstruction". *Aristotle Transformed: The Ancient Commentators and Their Influence*. Ed. by R. Sorabji. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 141–171.
- Fladerer L. (1999) *Johannes Philoponos. De opificio mundi: Spätantikes Sprachdenken und christliche Exegese*. Stuttgart; Leipzig: Teubner (Beiträge zur Altertumskunde, 135).
- Fuchsbauer J. (2014) "The Concept of Letters and Sounds in Greek Grammar and Its Relation to the Creation of the Glagolica". Трети Международен конгрес по българистика, 23–26 май 2013 г. [9] Кръгла маса "Кирилометодиевистика". Съст.: В. Станев. София: Университетско изд-во "Св. Климент Охридски", 40–51.
- Goettling K.W., ed. (1822) *Theodosii Alexandrini Grammatica. E codicibus manuscriptis*. Lipsiae: In libraria Dykiana.
- Hayduck M., ed. (1885) *Stephani in librum Aristotelis de interpretatione commentarium*. Berlin: Georg Reimer (CAG XVIII.3).
- Hilgard A., ed. (1889) *Theodosii Alexandrini canones et Georgii Choerobosci scholia in canones nominales*. Recensvit et apparatus criticum indicesque adieci. Lipsiae: B.G. Teubner (Grammatici Graeci IV.1).
- Hilgard A., ed. (1894) *Georgii Choerobosci Scholia in Canones verbales et Sophronii Excerpta e Characis commentario*. Recensvit et apparatus criticum indicesque adieci. Lipsiae: B.G. Teubner (Grammatici Graeci IV.2).
- Hilgard A., ed. (1901) *Scholia in Dionysii Thracis Artem grammaticam*. Recensvit et apparatus criticum indicesque adieci. Lipsiae: B.G. Teubner (Grammatici Graeci I.3).
- Ierodiakonou K. (2019) "The Byzantine Reception of Aristotle's Theory of Meaning". *Methodos. Savoirs et textes* 19, 1–18.
- Ierodiakonou K. (2002) "Psellos' paraphrasis of Aristotle's De interpretation". *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources*. Ed. by K. Ierodiakonou. Oxford: Oxford University Press, 157–181.
- Lallot J., ed. (1998) *La grammaire de Denys le Thrace. Traduite et annotée*, 2e éd. revue et augmentée. Paris: CNRS Editions.
- Lloyd A.C. (1990) *The Anatomy of Neoplatonism*. Oxford: Clarendon Press.
- Luhtala A. (2011) "Imposition of Names in Ancient Grammar and Philosophy". *Ancient Scholarship and Grammar: Archetypes, Concepts and Contexts*. Ed. by S. Matthaios, F. Montanari, A. Rengakos. Berlin; New York: De Gruyter, 479–498.

- Manutius A., ed. (1503) *Ammonii Hermei commentaria in librum Peri hermeneias. Magentini archiepiscopi Mitylenensis in eundem enarratio*. Venetiis: Apud Aldum, Mense Iunio.
- Meiser C., ed. (1880) *Boetii Commentarii in Librum Aristotelis Peri Hermēneias, pars posterior*. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri.
- Montanari F., Matthaios S., Rengakos A., eds. (2015) *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. Vol. 1–2. Leiden; Boston: Brill.
- Μπαλκογιαννούλου Ει. (2018) *Το διδακτικό εγχειρίδιο λογικής των Γεωργίου Σχολαρίου: δομή, πηγές και καινοτομίες* [Balcoiannopoulou Ir. *George Scholarios logical handbook: structure, sources, and innovative aspects*]. Πάτρα: Πανεπιστήμιο Πατρών.
- Tarán L., ed. (1978) *Anonymous commentary on Aristotle's De interpretatione (Codex Parisinus Graecus 2064)*. Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain.
- Nicephorus Blemmides (1885) “Epitome logica”. *Patrologia cursus completus. Series Graeca*. Ed. J.-P. Migne. T. 142. Parisiis: Apud Garnier Fratres, Editores et J.-P. Migne Successores, 675–1004.
- Pagani L. (2011) “Pioneers of Grammar: Hellenistic Scholarship and the Study of Language”. *From Scholars to Scholia: Chapters in the History of Ancient Greek Scholarship*. Ed. by F. Montanari and L. Pagani. Berlin: De Gruyter, 30–38.
- Pagani L. (2014) “La techne grammaticae e la documentazione papiracea”. *Rivista di Filologia e di Istruzione Classica* 142, 205–217.
- Petit L., Sidéridès X.A., Jugie M., eds. (1936) *Œuvres complètes de Gennade Scholarios*. T. VII. Paris: Maison de la Bonne Presse.
- Robins R. H. (1993) *The Byzantine grammarians. Their place in history*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Scholten C. (1996) *Antike Naturphilosophie und christliche Kosmologie in der Schrift “De opificio mundi” des Johannes Philoponos*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Uhlig G., ed. (1883) *Dionysii Thracis Ars grammatica qualem exemplaria vetustissima exhibent, subscriptis discrepantiis et testimoniis quae in codicibus recentioribus, scholiis, erotematis apud alios scriptores, interpretem armenium reperiuntur*. Lipsiae: B.G. Teubner (Grammatici Graeci I.1).
- Мажуга В.И. (2011) «Понятие “действие” и общее определение глагола у стоиков и их последователей». *COLLOQUIA CLASSICA ET INDO-GERMANICA* — V. Под ред. Н.А. Бондарко, Н.Н. Казанского (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований, том VII, часть 1). СПб.: Наука, 236–296.

References in Russian:

- Mazhuga V.I. (2011) “The idea of ‘action’ and the general definition of the verb in the doctrine of Stoics and their successors”. *COLLOQUIA CLASSICA ET INDO-GERMANICA* — V. Ed. by N.A. Bondarko, N.N. Kazansky (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistic Research, Volume VII, Part 1). St. Petersburg: Nauka, 236–296.